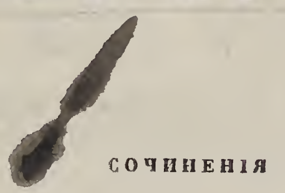

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СОБРАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

СОЧИНЕНІЯ

Владиміра Стародубскаго.

КАЗАНЬ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА ДУБРОВИНА.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Казань. Октября 14 дня 1861 года.

Отдѣльный Цензоръ *Н. Поповъ.*

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАЧАЛО ЖИЗНИ.

Съ душою любящей и пылкой и невинной,
Съ спокойствіемъ святымъ, безъ горя и нужды,
Вступаю въ этотъ міръ холодный и пустынный,
Въ міръ зависти, заботъ, гоненій и вражды!
Душа моя тиха и вѣруетъ глубоко,
Съ отрадою гляжу я въ будущаго даль,
Сомнѣнье для меня невѣдомо, далеко...
И душу мнѣ не жметъ ни мука, ни печаль.
Вступая въ эту жизнь, молю усердно Бога,
Чтобъ душу мнѣ отъ зла Онъ въ мірѣ сохранилъ,
Чтобъ велъ меня одной правдивою дорогой,
Чтобъ холодъ и порокъ меня не заразилъ,
Чтобы я былъ далекъ отъ горя и несчастья,
Отъ злобы и вражды—всѣхъ жизненныхъ тревогъ,
Чтобъ былъ правдивъ и чистъ безъ всякаго пристрастья,
Въ спокойствіи души молиться бы я могъ;
Чтобъ свѣтелъ былъ мой умъ и праведны познанья,
Чтобъ горе и бѣда, несчастіе другихъ,
Могли во мнѣ найти любовь и состраданье,
Чтобъ могъ, какъ за себя, молиться я за нихъ.
Вотъ всѣ мои теперь желанья и моленья!...
Вступаю въ этотъ міръ, гдѣ жить мнѣ предстоитъ...
Пускай мнѣ Богъ пошлетъ съ небесъ благословенье,
На жизненномъ пути спасетъ и утвердитъ!...

Г. Рязань 1855.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Пыль взвилась и летитъ...
Колокольчикъ звѣнитъ...
Сердце, полное радости, бьется;
Сердце ждетъ и кипитъ,
Взоръ усталый глядитъ...
Колокольчикъ въ ушахъ отдается.
Но все тише—и звонъ
Пролетѣлъ, будто сонъ
И напрасно я ухомъ склонился:
Онъ уныло звѣнѣлъ,
Но все дальше летѣлъ,
Наконецъ и совсѣмъ укатился.
Съ небывалой тоской
Я плетуся домой,
Сердце бьется отъ скорби и боли...
И волнуетъ мой умъ
Много сумрачныхъ думъ
О моемъ назначеньи и доли....
Для чего я рожденъ?
Или это все сонъ?
Иль мечта, но не сила страданья?
Что же это за звонъ?
Что напомнилъ мнѣ онъ
И зачѣмъ обманулъ ожиданья?

1855 г.
Г. Рязань.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(ПИСЬМО ЮНКЕРА ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ).

Много, много, друзья,
Перенесъ въ жизни я,
Испыталъ я всѣ адскія муки:
Грусть по милой странѣ
И тревогу въ войнѣ

И тоску въ этой горькой разлукѣ.
Какъ пріѣхалъ я въ Крымъ,
Грустью страшной томимъ,
Я былъ точно тогда сумасшедшій,
Все бродилъ и не разъ
Вспоминалъ я о Васъ
И о жизни разгульной, прошедшей.....
Злой тоской удрученъ,
На второй бастіонъ
Въ Севастополь я прибылъ... стемнѣло...
А кругомъ-то меня
Былъ пожаръ отъ огня,
Какъ въ аду безпрестанно гремѣло.
Это что толковать,
Надо вотъ что сказать:
Какъ мы въ Августѣ бились съ Французомъ,
Угостили мы ихъ
Всѣхъ гостей дорогихъ
И свинцомъ и чугуннымъ арбузомъ.
Дня четыре у насъ
Перестрѣлка велась,
Продолжалась вездѣ канонада.
Было страшно въ тѣ дни,
Все громили они,
Всѣмъ намъ было тогда хуже ада!
Наконецъ намъ въ привѣтъ
Утромъ рано, чѣмъ свѣтъ,
Показалися вражьи колоны
И у насъ съ батарей
Заблисталъ рядъ огней,
Затряслися вездѣ бастіоны.
Молодцы-Русаки
Вмигъ схватились въ штыки,
Поднялась и пальба и тревога.
Всѣ мы храбро дрались,
Потому что взялись
Мы за дѣло съ надеждой на Бога.
Все смѣшалось въ дыму,
Я отсталъ... одному
Мнѣ ужь нечего думать о жизни,
Сердце съ чувствомъ любви

Замерло въ груди...
Буду вѣренъ до гроба Отчизнѣ!
Что такъ даромъ стоять?
Сталъ ружье заряжать,
Чтобы снова приняться за дѣло....
Вдругъ, ядро по рядамъ—
И рука по поламъ
Уменя далеко отлетѣла!
Вотъ одною рукой
Взялъ ружье я и въ бой
Побѣжалъ я на эту тревогу;
Тутъ Французъ молодой
Съ тесакомъ предо мной
Заступилъ мнѣ внезапно дорогу.
«Нѣтъ, постой, братъ, Французъ,
Я и самъ вѣдь не трусъ
И ни разу въ дѣлахъ не срамился...
Покажу тебѣ путь!...»
И штыкомъ ему грудь
Я пронзилъ—и онъ тотчасъ свалился.
Захрипѣлъ, застоналъ,
Руку къ сердцу прижалъ,
Показалъ мнѣ на небо другою,
Сложилъ руки крестомъ
И заснулъ вѣчнымъ сномъ...
Кровь лилася изъ раны рѣкою.
Я пошелъ... вдругъ приказъ
Отступать намъ сейчасъ,
Стали жечь Севастополь мы сами,
Бастіоны взрывать,
Все, что есть, поджигать
Стали тотчасъ своими руками.
Груды камней, пожаръ
Мы оставили въ даръ
Всѣмъ врагамъ... пусть владѣютъ со славой!
И, повѣсивъ главы,
Отступать стали мы...
Путь предъ нами открылся кровавый:
Сколько труповъ враговъ,
Сколько рукъ и головъ,
Что за массы предъ нами валялись!

Спотыкаясь спѣшимъ,
Въ лужахъ крови скользимъ,
Наконецъ, черезъ мостъ перебрались.
О, желалъ бы я знать,
Что въ душѣ ощущать
Стали-бъ наши въ Руси джентльмены,
Еслибъ всѣхъ ихъ сюда
Привести—и тогда
Показать бы всѣ адскія сцены.
Вотъ предъ вами весь видъ:
Севастополь горитъ,
Камни валятся, слышны стенанья;
Вѣтеръ страшно шумитъ,
Море бурно кипитъ,
Слышно валовъ и шумъ и плесканье.
Но врагами испугъ
Овладѣлъ: въ городъ вдругъ
Не вошли всѣ, боялися взрыва,
Что бы въ сѣть не попасть;
Лишь одна только часть
Ворвалась въ Севастополь шумливо.
Вѣтеръ страшно шумѣлъ
И, качаясь, гудѣлъ
Грустно колоколъ звучный въ соборѣ...
Лишь я звонъ услыхалъ
На колѣни упалъ
И слеза заблестѣла во взорѣ.
Этотъ звонъ дорогой,
Этотъ голосъ родной
Неслыхалъ я, какъ съ домомъ разстался...
И теперь этотъ звукъ
Все напомнилъ мнѣ вдругъ,
Чѣмъ-то милымъ въ душѣ отозвался.
И въ душѣ пробудилъ
Все, какъ прежде я жилъ,
Окруженный заботой, стараньемъ;
Вспомнилъ домъ я, друзей—
И ручьемъ изъ очей
Покатилися слезы страданья.
Вы не въ силахъ понять,
Какъ пріятно обнять

После дѣла товарища битвы,
Какъ легко слезы лить,
Какъ отрадно излить
Передъ Богомъ весь пламень молитвы!
Тутъ безъ всякихъ искуствъ
Море пасмурныхъ чувствъ
На душѣ одинокой роилось...
Какъ хотѣлось въ тотъ мигъ
Побывать у родныхъ,
Какъ душа па Отчизну просилась!....
Чтобъ вполнѣ и вѣрнѣй
Передъ кругомъ друзей
Излить чувства свои и печали,
Какъ мы клокъ нашъ земли
Отъ враговъ берегли,
Какъ безстрашно враговъ мы встрѣчали?..
Вотъ теперь среди бѣдъ
Развлеченья намъ нѣтъ,
Мы живемъ и тоскуемъ безъ дѣла....
Ну, прощайте, друзья,
Вамъ исторья моя,
Я увѣренъ, совсѣмъ надоѣла.
Какъ вернуся я къ вамъ
Разскажу тогда самъ
Все какъ было, всѣ муки, страданья,
Разскажу все вполнѣ
О бойцахъ, о войнѣ,
А покамѣсть, друзья, до свиданья!......

1855 г. Августа 31.
Г. Севастополь, Сѣверная сторона.

РАЗСКАЗЪ СТАРАГО СОЛДАТА.

—Ты, братецъ, молодъ и не былъ въ сраженьи,
Дома на печкѣ все жилъ,
Только отъ бабъ лишь терпѣлъ пораженье...
Я-жъ-въ Севастополѣ былъ!
»Ну, разскажите намъ, дяденька милый,

Про Севастополь скорѣй:
Какъ вы дралися тамъ съ вражеской силой,
Сколько побили людей?...»
—Слушайте: нашу храбрѣйшую роту,
Во время всякой поры
Гнали всегда чуть свѣтокъ на работу:
Землю таскать на туры.
Вотъ и возмемся мы дружно за дѣло...
Но не успѣешь моргнуть—
Глядь: и лежитъ уже мертвое тѣло—
Бомба не дала дохнуть.
Мы преспокойно работаемъ, носимъ....
Смотришь, капральство летитъ:
Бомбъ или ядеръ штукъ семь или восемь
Съ шумомъ на землю валитъ.
Съ визгомъ и свистомъ ихъ по землѣ крутитъ,
Вдругъ ихъ потомъ разорветъ....
Кажется, бомба съ солдатами шутитъ,
Нѣтъ, вотъ, глядишь—и убьетъ!....
Разъ, это было въ послѣднее дѣло....
Вѣкъ мнѣ того не забыть....
Четверо сутокъ, какъ въ адѣ, гремѣло,
Въ пятые—страхъ говорить:
Вдругъ, показались колоны Французовъ...
Мы увидали сквозь дыма....
Эхъ! еслибъ живъ былъ покойникъ Кутузовъ:
Задалъ бы перцу онъ имъ!
Впрочемъ, вѣдь надо сказать справедливо:
Храбро дралися они,
Лезли безъ страха впередъ, особливо
Въ эти послѣдніе дни.
Славный народецъ Французы, примѣрный,
Грудью ужъ лезутъ впередъ;
Вотъ Англичане, да Турки прескверный
И препоганый народъ.
Хуже всѣхъ Турки: какъ вылупятъ бельмы—
Лезутъ и тоже кричатъ,
Вдругъ—же, потомъ испугаются шельмы—
Да и бѣгутъ всѣ назадъ.
Ну, и въ штыки... коль Французъ попадется—
Такъ лишь слегка пропырнешъ;

Если же Турка, да тотъ навернется —
Тутъ-же до смерти и убьешь!
Есть тамъ народъ, ни на что не похожій,
Точно одѣтый, какъ Грекъ,
Длинный, худой и такой чернокожій...
Чертъ, братъ, а не человѣкъ!...
Тоже въ штыки молодецки умѣютъ....
Ну, вѣдь, и наши того...
Въ дѣлѣ... ужъ грудью впередъ, не робѣютъ...
Славно-жъ мы взяли его!....
Какъ принялись мы работать штыками,
Тамъ изъ орудій палятъ...
Все освѣтилось ужасно огнями,
Именно, сущій былъ адъ!.....
Много-жъ въ то время мы ихъ положили!
Ну, вѣдь, досталось и намъ!
Къ вечеру, этакъ, приказъ получили:
Сдать Севастополь врагамъ.
Наши войска черезъ мостъ перебрались,
Мостъ-же сейчасъ развели.
Много тамъ раненыхъ нашихъ осталось,
Многіе на смерть легли.
Эхъ! какъ и вспомнишь, такъ на сердцѣ больно:
Жарко пришлося всѣмъ тамъ,
Даже теперь, вспоминая, невольно
Слезы текутъ по усамъ.
Такъ-то, братъ, молодъ ты, не былъ въ сраженьи,
Дома на печкѣ все жилъ,
Только отъ бабъ лишь терпѣлъ пораженье,
Я-жъ—въ Севастополѣ былъ!....

1856 г. Крымъ.

КАРАИМКА.

Какъ мила, какъ изящно—серьезна,
Въ своей позѣ, какѣ будто, робка,
Какъ головка ея граціозно
Преклонилась къ работѣ слегка.

Не слыхать ея пламенной рѣчи,
Все, какъ будто, боится взглянуть...
Видны бѣлыя, чудныя плечи
И вздымается дивная грудь.
Тонкій станъ перетянутъ такъ ловко
И небрежно лежатъ волоса.
Красной феской прикрыта головка,
До колѣнъ распустилась коса
И волнами по ней упадаетъ,
Ароматовъ своихъ не тая,
Будто прелести ей всѣ ласкаетъ,
Будто ластится къ ней, какъ змѣя.
Дверь отворена въ свѣтлыя сѣни,
Гдѣ напротивъ ея я сижу....
Опершися рукой въ колѣни,
На нее я съ восторгомъ гляжу;
Не спускаю съ ней жаднаго взгляда...
Но какъ взглянетъ она на меня—
Я горю: въ ея взорѣ отрада
И какая-то прелесть огня.
Я боюсь, если чувство воспрянетъ,
Я боюся за сердце свое....
Не глядѣлъ бы, да все что-то тянетъ,
Все смотрѣлъ бы, смотрѣлъ на нее.

1856 г. Крымъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ К.........

Случится, можетъ быть, порою
Прочесть листокъ вамъ въ тишинѣ,
Моей исписанный рукою,
То вспомяните обо-мнѣ.
Скажите: также жилъ онъ въ мірѣ
Какъ всѣ страдалъ, какъ всѣ терпѣлъ
И на своей нестройной лирѣ
Онъ пѣсни грустныя все пѣлъ...
И въ пѣсняхъ грустныхъ и унылыхъ

Онъ имя той всегда пѣвалъ,
Которой разлюбить не въ силахъ,
Съ которой плакалъ и страдалъ!..,

1857. Г. Трубчевскъ.

КЪ.........

Ледяная краса вамъ отъ Бога дана...
Вы на все здѣсь глядите совсѣмъ равнодушно.
Въ васъ душа высока, но для міра она
Холодна, безотвѣтна, нѣма и бездушна!.. .

Ледяная краса вамъ отъ Бога дана,
Для того, чтобы міръ ей, прекрасной, дивился,
Для того, чтобы всѣхъ чаровала она,
Для того, чтобы всякій страдалъ и молился!

Но не всякій постигнетъ, не всякій пойметъ
Эту чудную грусть и красу неземную,
Красоты вашей ангельской твердость и ледъ
Очаруетъ не всякую душу людскую.

На страданія, скорби, печали людей
Вы взираете холодно горестнымъ окомъ,
Равнодушно глядите на пламень страстей
И скрываете грусть въ размышленье глубокомъ.

Когда люди о чувствѣ вамъ съ жаромъ твердятъ,
То черты ваши холодъ одинъ выражаютъ,
Ваши очи огнемъ не блестятъ, не горятъ,
Но отраву холодную въ сердце вливаютъ.

Запоете-ли вы про печаль и любовь—
Ваши, полныя чувства, унылые звуки,
У другихъ кипятятъ до безумія кровь,
А у Васъ на лицѣ лишь томленіе скуки!

Вы ошибкою къ намъ въ грѣшный міръ забрѣли,
Или посланы Богомъ для счастья народа?
Вы богиня души, вы не дѣва земли,
Въ васъ видна не земная, святая природа!...

Вотъ зачѣмъ я сказалъ ледяная краса.....
Но не шлите за то мнѣ своей укоризны,
Унесите меня вы въ свои небеса,
Дайте видѣть блаженство мнѣ вашей Отчизны!...
1858 г. Г. Орелъ.

БЛАГОДАРЮ.

Благодарю васъ много, много!....
Теперь въ восторгѣ говорю,
Что я могу молить ужь Бога...
Благодарю! благодарю!

Изъ взгляда много могъ понять я,
Но чѣмъ за взглядъ васъ подарю?
Лишь вамъ одно могу сказать я:
Благодарю! благодарю!

Благодарю! огнемъ пылая,
Быть можетъ, скоро я сгорю,
Но я скажу и умирая:
Благодарю! благодарю!

Благодарю! и тамъ, въ день судный,
Явяся Бога къ алтарю,
Ему скажу: Спаситель чудный,
Ее за все благодарю!

Она тѣмъ взглядомъ, полнымъ жизни,
Меня спасла: я нынѣ зрю
Обитель свѣтлую Отчизны...
Благодарю! благодарю!
1858 г. Г. Орелъ.

ПРИЗЫВЪ.

Приди ко мнѣ, моя Царица,
Любовь и жизнь души моей,

Дай мнѣ тобою насладиться,
Услышать звукъ твоихъ рѣчей,
Упиться пламеннымъ дыханьемъ,
Упиться взорами очей
И замереть въ огнѣ лобзанья,
Въ огнѣ любви, въ огнѣ страстей!...
Я жду тебя, моя Царица,
Восторгъ и жизнь—приди, приди,
Дай хоть на мигъ мнѣ позабыться
На пуховой твоей груди!
За взглядъ, исполненный святаго
За поцѣлуй твой огневой—
Не надо счастья мнѣ земнаго,
Не надо жизни ни какой!
Приди ко мнѣ, моя Царица,
Раскипяти мнѣ въ сердце кровь...
Ты свѣтъ, ты радость, ты денница,
Блаженство, сила и любовь!...

Г. Орелъ 1858 г.

---

* • * • *

Отчего, когда я въ думу погружаюсь.
Что-то страшное ложится мнѣ на грудь?
Въ ту минуту я развлечь себя стараюсь,
Чтобы въ будущую жизнь не заглянуть.

Отчего-же эта будущность пугаетъ,
Что, при мысли даже только лишь объ ней,
Сердце чувствомъ непонятнымъ изнываетъ
И колотится сильнѣе и сильнѣй?

Отчего-же часъ раздумья непріятенъ,
Что грядущимъ можетъ сердце намъ пугать?...—
Оттого... что много, много въ сердцѣ пятенъ,
За которыя придется отвѣчать!....

1857. Г. Трубчевскъ.

МОЛИТВА.

Царица небесная, Матерь Спасителя,
Спаси, исцѣли отъ страданій, скорбей,
Въ минуты отчаянья дай Утѣшителя
Душѣ пораженной и грѣшной моей!

Пролей мнѣ на сердце надежду отрадную
И душу, покрытую тьмой, освѣти.
Лучемъ благодати согрѣй ее, хладную.
И твердость мнѣ дай на тернистомъ пути;

Молю: отгони все тяжелое, трудное,
Волненіе мыслей моихъ утиши,
Чтобъ могъ я тебя, о, Заступница чудная,
Хвалить, славословить въ покоѣ души!...

1858 г. Г. Орелъ.

КЪ.........

Вашъ загадочный, пламенный взглядъ,
Ваша, полная грусти улыбка,
Разливаютъ въ груди моей ядъ
И о чемъ-то душѣ говорятъ,
И волнуютъ мнѣ сердце такъ шибко.

Для меня вашъ и взглядъ и черты
Непонятны, но полны значенья:
Въ нихъ таятся и сердца мечты,
И чарующій блескъ доброты,
И какая-то грусть, и томленье.

Я желалъ бы проникнуть вашъ взоръ
И томленье въ чертахъ безъ искуства:
Можетъ въ сердцѣ у васъ съ давнихъ поръ,
Противъ воли, уму въ перекоръ,
Затаилося сильное чувство....

И вы трердо хотите его
Удержать и не выставить ясно,

Чтобы свѣтъ не узналъ ничего,
Не изрекъ бы суда своего,
Чтобы не было послѣ опасно.

Можетъ ждете, чтобъ здѣсь кто-нибудь,
При отрадной, благой съ вами встрѣчѣ,
Облегчалъ бы больную вамъ грудь,
Усыпалъ бы цвѣтами вашъ путь
И шепталъ-бы восторженно рѣчи

О какомъ-нибудь чувствѣ... отъ нихъ
Чтобъ лице вы свое закрывали,
И, краснѣя, въ рѣчахъ огневыхъ,
Обаятельно, чудно-живыхъ,
Тоже чувство ему выражали.

Ничего нѣту въ жизни святѣй
Чувства дружбы—оно намъ опора....
Если ищете только скорѣй
Вы взаимности дружбѣ своей,
То найдете навѣрно вы скоро!

Здѣсь давно изъ толпы васъ слѣдитъ
Тотъ, кто ждетъ отъ васъ чувства, какъ дара....
Онъ давно къ вамъ влеченье таитъ
И давно самъ себѣ говоритъ,
Что васъ любитъ всей силою жара!...

Г. Орелъ 1858 г.

СОНЪ.

На ложѣ скорбнаго мученья
Однажды видѣлся мнѣ сонъ,
Съ тѣхъ поръ по своему значенью
Остался памятенъ мнѣ онъ.
Мнѣ снилось: ночь была въ то время...
Я изъ воротъ домашнихъ мѣстъ
Несъ утомительное бремя—
Изъ дерева огромный крестъ.
Меня священникъ въ облаченьи

И пѣвчихъ хоръ сопровождалъ,
И я подъ ношей въ истомленьи
Почти на землю упадалъ.
Я шелъ лѣвѣй, тамъ грязно было,
Я вязъ подъ тяжестью креста
И, выбиваяся изъ силы,
Молилъ спасти меня Христа.
Вдругъ, слышу голосъ изъ-далека—
Не помню голоса нѣжнѣй—
«Здѣсь не ходи, здѣсь грязь... глубоко
Возьми правѣй, иди правѣй!..»
И я, собравши всѣ усилья,
Съ крестомъ на право своротилъ...
Во мнѣ росли, казалось, крылья,
И крестъ мнѣ легокъ очень былъ.
И я, чѣмъ дальше шелъ правѣе,
Въ ночной, глубокой тишинѣ,
Тѣмъ было легче, веселѣе
И какъ-то радостнѣе мнѣ!....

1858 г. г. Орелъ.

---

* • * • *

Бываютъ минуты, средь мрака порока,
Какой-то мнѣ свѣтъ непонятный блеснетъ
И, въ думу впадая душою глубоко,
Съ тоскующимъ сердцемъ гляжу я впередъ.
Путь жизни далекій виднѣется ясно...
И могъ бы мнѣ быть онъ и легокъ и милъ,
Когда-бъ безразсудно, когда бы напрасно
Я юныя силы свои не сгубилъ.
Едва я былъ брошенъ въ житейское море,
Еще не созрѣлый для бурь и борьбы,
Меня истомили печали и горе,
Покорнаго волѣ зловѣщей судьбы.
Безъ цѣли, безъ воли, разбитый и хилый
Я бросился въ омутъ порочныхъ страстей
И тамъ погубилъ я послѣднія силы

И чувства прекрасныя жизни моей.
Но я-ли виновенъ, что тьма покрываетъ
Разбитое сердце и праздный мой умъ,
Когда меня горе одно окружаетъ
И жизни порочной безумственный шумъ?
И какъ же теперь по пути мнѣ далекомъ
Безъ чувства, безъ воли, безъ силы идти?
И можно-ли снова въ безсильи глубокомъ
Мнѣ жизни хорошей начало найдти?
Ужели-же міра Великій Спаситель,
Кто весь милосердье, привѣтъ и любовь,
Не будетъ отъ гибели моей Избавитель,
Меня не вернетъ къ моей пристани вновь?
О, нѣтъ! есть надежда... мнѣ что-то сдается,
Что жизнь моя будетъ опять хороша,
Что сердце отъ сна и порока проснется,
Воскреснетъ для жизни и силы душа!.....

1859 г. г. Кролевецъ.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы встрѣтили его не средь столицы шумной,
Не въ шумномъ обществѣ при тысячи свѣчей,
Не въ вихрѣ суеты блестящей и безумной
Подъ говоръ поздравительныхъ рѣчей;
Мы встрѣтили его не средь кружка роднаго
Родной семьи съ привѣтомъ и виномъ:
Но въ сторонѣ чужой, у мужика простаго
Въ курной избѣ, съ товарищемъ вдвоемъ.
Тамъ было просто все, тамъ не горѣли свѣчи,
Одна лучина лишь дрожащій свѣтъ лила,
И тихо мы вели между собою рѣчи,
Межъ тѣмъ, какъ вся семья давно ужe спала.
И много, много въ насъ въ то время было муки!.....
Но первый часъ насталъ-мы съ мѣста поднялись,
Безмолвные, тогда другъ другу сжали руки
И крѣпко, отъ души, какъ братья, обнялись.
И много въ этотъ мигъ другъ другу мы желали:

Чтобъ новый этотъ годъ былъ годомъ не такимъ,
Какимъ до сей поры мы каждый годъ встрѣчали—
Не скорбнымъ, горькимъ и пустымъ!......

1859. Декабря 15.
Село Покровское.

* • * • *

Грустно время тратить даромъ,
Жить въ безвѣстности, въ глуши,
Подѣлиться не съ кѣмъ жаромъ,
Чувствомъ истиннымъ души. .
Все неправда, все искуство,
Все натянутость и ложь
И нигдѣ святаго чувства,
Свѣтлой мысли не найдешь.
Въ одиночествѣ холодномъ,
Безъ раздѣла чувствъ и думъ,
Размышленіемъ безплоднымъ
Изсушенъ мой бѣдный умъ.
Все напрасно, все безплодно:
Мысль ума и жаръ души,
Все, что свято, благородно
Гибнетъ въ мракѣ и въ глуши.
Безъ участья, безъ раздѣла
Прохожу я жизни путь...
Страшно сердце изболѣло,
Отъ тоски изныла грудь.
Сердце проситъ то, что любитъ:
Пищи высшей и святой,
А кругомъ неправда губитъ
Все высокое собой.
И тоскуя, негодуя,
Какъ ни грязно все кругомъ,
Все привыкнуть не могу я
Лгать и сердцемъ и умомъ.
Оттого и тяжко, больно,
Оттого порой и я

Погружаюся невольно
Въ шумъ и гадость бытія,
Чтобы въ жизни недостойной,
Въ буйномъ пиршествѣ страстей,
Голосъ сердца безпокойный
Заглушить въ душѣ своей.
Но и тамъ все нѣтъ отрады:
Но и тамъ сквозь этотъ шумъ
Прорывается досада
И скорбитъ душа и умъ!
Жизнь моя—одно мученье,
Безполезная борьба,
Суждена мнѣ Провидѣньемъ
Безотрадная судьба.
Какъ ужасна эта битва!
Солько горя и тревогъ!
Есть къ Тебѣ одна молитва,
Всемогущій, вѣчный Богъ:
Дай мнѣ мурдость и искуство,
Дай разсудокъ навсегда,
Ни одно чтобъ въ сердцѣ чувство
Не проснулось никогда.
Чтобъ людскія треволненья,
Ихъ неправда и печаль,
Не зажгли во мнѣ мученья,
Чтобъ душѣ не было жаль...
Или, если хочешь силу,
Жизнь души моей спасти—
Дай мнѣ крестъ Ты мой въ могилу
Поскорѣе унести!...

1860 г.
Москва.

Если чувство горячей любви
Увѣнчаются полнымъ успѣхомъ,
Если ты на признанья мои
Не отвѣтишь презрѣньемъ и смѣхомъ—
Мы тонуть будемъ въ счастьи земномъ....

И съ тобою тогда въ вечеръ длинный
Можетъ часто мы будемъ вдвоемъ
При мерцаніи лампы въ гостинной.
Сколько счастья въ бесѣдѣ такой:
Быть вдвоемъ и сидѣть съ тобой рядомъ
И, вперивъ въ тебя взоръ огневой,
Пожирать тебя пламеннымъ взглядомъ,
Тихо ручку дрожащую жать,
Говорить тебѣ страстно признанья
И, прижавши къ груди, цѣловать,
Обливать тебя жаромъ лобзанья!.....
Если-жъ выпадетъ тяжкій намъ мигъ:
Вдругъ, изъ клуба твой мужъ возвратится
И застанетъ съ тобой насъ двоихъ,
То не слѣдуетъ духомъ смутиться;
Но въ то самое время, какъ онъ,
Поблѣднѣвъ, какъ Отелло, со злостью,
Нашей нѣжной бесѣдой взбѣшенъ,
Приготовится трепку дать гостю.—
Ты скажи, не смущаясь душой,
Что родню не годится тревожить,
Что у насъ по родству, вѣдь, съ тобой
Приключиться дурнаго не можетъ....
И тогда, если онъ на меня
Будетъ лѣзть безъ стыда и не труся,
Ты не бойся, мой другъ: съ нимъ ужъ я,
Какъ военный, тогда разочтуся!....

1860. Москва.

---

* • * • *

Нѣжна и блѣдна, и уныла;
Въ величьи простомъ и прекрасномъ...
Какая-то тайная сила
Разлита въ лицѣ ея страстномъ.
Такъ русая мило головка
Ея убрана постоянно,
Игрива, подвижна и ловка

И все въ ней, какъ будто бы, странно:
Въ наивномъ, ребяческомъ смѣхѣ
Унылые слышатся звуки,
Въ минуты веселья, утѣхи
Въ лицѣ ея видятся муки.
Блеснетъ-ли порою улыбка—
Глаза тогда полны слезами
И грудь воздымется шибко,
Сдавленная, будто, скорьбями.
Звучатъ ея грустно такъ рѣчи,
Но нѣту въ нихъ силы и воли,
И послѣ отрадной съ ней встрѣчи
Вамъ жаль ея станетъ до боли! . . .

1860 г. Москва.

* • * • * • *

Если мужъ твой ревнивъ и тиранъ
И его ты ни капли не любишь,
Отчего-жъ не устроить обманъ?,..—
Изъ чего свое сердце ты губишь?...
Говорятъ, я слыхалъ, у него
Нѣтъ огня, что онъ весь истощился...
У меня же такъ много его,
Я-бъ съ тобой отъ души подѣлился!
Говорятъ, что твой мужъ словно ледъ
И что хладны его и объятья,
А въ моихъ—и свинецъ расплывется,
Ужь умѣю отъ сердца прижаться!...
Мы, вѣдь, молоды оба душой,
Также молоды оба годами,
Отчего-жъ не сойтись намъ съ тобой
И не слиться душой и устами?
То-то было отрадно бы намъ,
То-то было бы сердцу раздолье,
Какъ прильнувши устами къ устамъ,
Мы-бъ забыли весь мiръ и бездолье!...

От тебя и зависит теперь
Перенесть себя къ жизни пріятной:
Захоти—и отворится дверь
Для блаженства любви необъятной!...

1860. г. Рязань.

* • * • *

Не знаю самъ зачѣмъ тоскую,
Чего хочу душѣ своей....
Теперь бы тройку удалую,
Да прокатиться вмѣстѣ съ ней.
Тогда бы дать душѣ отраду:
Изъ муфты ручку нѣжно взять,
Какъ будто грѣть ее отъ хладу.
А между тѣмъ ее сжимать.
Потомъ прижаться по плотнѣе,
«Люблю» ей тихо прошептать
Да по страстнѣй, по горячѣе,
Отъ всей души поцѣловать.
Потомъ тайкомъ, во мракѣ ночи,
Прижавъ къ груди ее своей,
Смотрѣть ей въ пламенные очи,
И.... замирать въ огнѣ страстей!....

Рязань 1860.

* • * • *

Не знаю самъ, какъ съ сердцемъ быть?
Не все же жить такъ одиноко...
Не знаю самъ, кого любить,
Въ кого мнѣ вѣровать глубоко?
Давно пришла пора любви,
Но въ сердцѣ чувства во все нѣту....
И кто зажгетъ огонь въ крови?

И кто наполнитъ душу эту?
Иныхъ хотѣлъ бы я любить,
Но нѣтъ вниманья, нѣтъ отвѣта
И сердце чувствомъ не кипитъ
Безъ ихъ взаимнаго привѣта.
И вотъ теперь явилась ты...
И жизнь, какъ будто, засвѣтлѣла,
Вдругъ, зароилися мечты,
Чего-то сердце захотѣло....
Молю: открой мнѣ жизни рай!...
Клянусь, я счастья не нарушу!....
Моей души не отвергай,
Но переполни эту душу...
Въ ней много силы и огня,
Ты это все собой возбудишь
И, чувствомъ наградивъ меня,
Ты въ этомъ каяться не будешь!....

1860. г. Рязань.

ВЪ ПОДРАЖЕНІЕ КОЛЬЦОВУ.

Загубили твой вѣкъ,
Молодые года:
Тобой злой человѣкъ
Завладѣлъ навсегда.
Не навидя его,
Вѣкъ ты жить съ нимъ должна...
И зачѣмъ, для чего
Ты ему отдана?
Безъ любви, въ безднѣ зла
Ты пройдешь жизни путь
И изсохнетъ до тла
Не согрѣтая грудь!
И ни мать, ни отецъ
Не властны надъ судьбой.
Ужь надѣла вѣнецъ,
Обошла ты налой.
Ужъ рука подъ вѣнцомъ

Съ ненавистной рукой
Помѣнялась кольцомъ,
Чтобъ владѣть вѣкъ тобой!
Кто же чувство сольетъ
Съ нѣжнымъ чувствомъ твоимъ?
Кто постигнетъ, пойметъ,
Какъ страдаешь ты съ нимъ?
Не пойметъ онъ тебя,
Не отвѣтитъ на страсть,
Погубила себя
Ты, отдавшись во власть!
Противъ воли своей,
Отвращенья полна,
Ты на грудь безъ страстей
Преклоняться должна.
И лобзанья его,
Какъ лобзанья змѣи,
Не прольютъ ничего
На ланиты твои;
И въ холодныхъ устахъ
Не найдешь теплоты,
И въ безстрастныхъ чертахъ
Не найдешь красоты!...
Радость, счастье мое!...
Жаль мнѣ долю твою...
Я за счастье твое
Отдалъ жизнь бы свою!..
И не такъ бы тебя
Я ласкалъ и любилъ,
Свою душу, себя
Я-бъ въ тебя перелилъ....
Не такимъ бы огнемъ,
Еслибъ рокъ мнѣ послалъ,
Я во мракѣ ночномъ
Твою грудь прожигалъ!....
Но сгубили твой вѣкъ,
Молодые года:
Тобой злой человѣкъ
Завладѣлъ навсегда!....

1860. Рязань.

* . * . *

Не грусти, что коварной судьбою.
Тебѣ данъ такой горькій удѣлъ,
Что ты связана клятвой святою...
Но, вѣдь, всѣхъ Богъ любить намъ велѣлъ!
Виновата-ли ты, что на долю
Тебѣ выпалъ такой человѣкъ,
Передъ кѣмъ ты склонить должна волю,
Съ кѣмъ несчастна ты будешь весь вѣкъ?
Отчего-жъ, коль его ты не любишь,
Не любить тебѣ сердцемъ другихъ?
Этимъ жизнь ты души лишь загубишь
Безъ восторговъ любви огневыхъ.
Наше сердце свободно и вольно
И насилья не терпитъ оно,
Оно любитъ всегда произвольно,
А не то, что любить намъ дано.
Ужъ и такъ много въ жизни страданій,
Не подъ игомъ же сердцу вѣкъ быть,
Лучше больше горячихъ лобзаній,
Лучше много и страстно любить,
Чтобъ, пришедши могилы къ порогу,
Всѣ окончивъ земныя дѣла,
Ты могла бы сказать: слава Богу,
Не напрасно я въ мірѣ жила!.......

1860. г. Рязань.

Ю. В. Ш..........

И такъ—хвала вамъ! наконецъ
Достигли вы желанной цѣли:
Пойдете скоро подъ вѣнецъ,
Чего давно вы такъ хотѣли.
А сколько было вамъ труда,
Какія тутъ ужъ были средства:
Взоръ, полный сладости всегда,
Жеманство, хитрость и кокетство,

Наивность, пламенная рѣчь,
Улыбка, вздохи, какъ отъ чувства...
Ну, словомъ: вамъ его завлечь
Большаго стоило искуства!
И правду молвить надо вамъ:
Вы разыграли роль со славой,
И палъ сраженный Шведъ къ ногамъ,
Какъ одноземцы подъ Полтавой!
Не вынесъ Господинъ Маіоръ
Всей силы хитрыхъ нападеній
И проклялъ онъ расчетъ съ тѣхъ поръ,
Плодъ опыта и размышленій.
А, право, чудо изъ чудесъ,
Какъ онъ въ просакъ такой попался
Съ своимъ расчетомъ?—видно бѣсъ
Надъ нимъ жестоко посмѣялся.
И странно, если разсудить:
Порой и съ умной головою,
Но такъ жестоко наглупишь,
Что самъ смѣешся надъ собою.
Не говорю въ обиду вамъ,
Не вамъ въ глаза такая спица;
Я справедливость вамъ отдамъ:
Вы очень умная дѣвица
И слишкомъ знаете людей
И жизнь извѣдали отлично...
Хоть положительность идей
Въ дѣвицѣ, какъ-то неприлична,
Но извинительно: года...
Года уходятъ безвозвратно,
Остаться дѣвой на всегда
Я знаю, очень непріятно!...
Но вотъ Маіоръ, вѣдь, онъ уменъ,
Недуренъ, молодъ, и карьеру
Составить лучше могъ бы онъ,
А онъ сглупилъ—и черезъ мѣру!
Но вѣрно такъ ужъ суждено,
Судить нельзя объ этомъ строго....
Да будетъ счастье вамъ дано
И жизнь покойная отъ Бога!
Дай Богъ, чтобъ Господинъ Маіоръ,

Женившись и поживши въ волю,
Не слалъ судьбѣ-бы злой укоръ,
Не проклиналъ свою бы долю!.....

1860 г. г. Сингилей.
Симбирской губ.

* • * • *

Прояснися небо, разойдитесь тучи!....
И безъ васъ на сердцѣ больно, тяжело....
Вотъ нашелъ надъ жизнью ураганъ могучій
И глубоко въ душу горе залегло!

Взоры ищутъ солнца, солнце все уходитъ,
Только лишь и видны тучи, да туманъ;
Сердце ищетъ чувства, чувства не находитъ,
Только лишь встрѣчаетъ злобу и обманъ.

Догараетъ пламя, упадаетъ сила
И тоска, какъ камень, больно сердце жметъ....
Гдѣ-жъ конецъ страданью? гдѣ моя могила?—
Только въ ней лишь вѣрно сердце отдохнетъ!.....

1860 г. г. Сингилей.

ДУМЫ.

Думы мои, думы, что вы роемъ вьетесь,
Голову кружите, мимо не несетесь?

Изсушили сердце думы, вы, собою...
Что мнѣ съ вами дѣлать съ бѣдной головою?

Никуда отъ васъ я не могу сокрыться:
Всюду вы со мною... голова кружится

И въ тоскѣ глубокой сердце замираетъ,
Только лишь несчастье всюду окружаетъ.

На пиру-ли шумномъ иль въ уединеньи—
Все вы не даете мнѣ успокоенья,

Все вы безотвязно быстрымъ роемъ вьетесь,
Голову кружите, мимо не несетесь.

Сердце человѣка шире, глубже моря
И вмѣститъ не мало въ себя бѣдъ и горя,

Но всему есть мѣра, есть конецъ терпѣнью....
Скоро мнѣ не вынесть грусти и мученья...

Мало, мало въ сердцѣ, мѣста остается....
Скоро будетъ полно, скоро разорвется!.....
1860. г. Сингилей.

НА НОВЫЙ 1861-й ГОДЪ.

Вотъ опять новый годъ,
Какъ и тотъ настаетъ,
Много-ль горя, заботъ
Онъ съ собой принесетъ?
Иль теперь, какъ опять,
Мнѣ покоя не знать,
Все вздыхать и страдать,
Да безплодно мечтать?
Я ужъ счастья не жду...
Но въ прошедшемъ году,
Хоть и зналъ я бѣду,
Но другое въ виду
Я въ то время имѣлъ:
Я надеждой кипѣлъ,
Я въ отчизну летѣлъ
Измѣнить свой удѣлъ.
И я встрѣтилъ привѣтъ,
Былъ обласканъ, согрѣтъ,
И увидѣлъ я свѣтъ
Послѣ тягостныхъ бѣдъ.
Но опять день насталъ,
Лучь блеснулъ и пропалъ;

Я въ тоску снова впалъ,
Заскорбѣлъ, застрадалъ.
И возстали кругомъ
И вражда и содомъ,
И оставилъ я домъ
Съ нелюбовью и зломъ,
И теперь вотъ опять
Привелось мнѣ страдать,
Горевать, тосковать
И привѣта не знать.
Всѣмъ я будто чужой,
Всѣ съ насмѣшкою злой
Надъ моею судьбой
Возстаютъ предо мной.
Я одинъ межъ людей,
Безъ привѣта рѣчей,
Лишь съ тоскою своей
Межъ безумныхъ страстей
Трачу силы, года...
Не ужель навсегда
Закатилась звѣзда?
И одна лишь бѣда
Меня въ будущемъ ждетъ?..
Иль теперь новый годъ
Мнѣ покой принесетъ
И душа отдохнетъ?
Что-жъ! еще подожду...
Если въ этомъ году
Не страхну я бѣду—
То другое найду!...

1861. г. Сингилей.

* • * • *

Явись мнѣ Геній благодатный,
Все обнови въ моей груди.
Изъ тьмы порока необъятной
На путь правдивый наведи!

Въ остывшемъ сердцѣ отъ разврата
Упадшій духъ возстанови
И все, что было въ немъ когда-то
Ты воскреси и обнови!

Любовь къ прекрасному, къ искуству,
Любовь высокую труда,
Всѣ тѣ возвышенныя чувства,
Что были въ прежніе года....

Не дай на жизнь глядѣть угрюмо,
Разсудокъ мрачный просвѣти,
Чтобъ безъ страданія и шума
Я могъ путь жизненный пройдти;

Пролей мнѣ въ душу свѣтъ и радость,
Любовь, надежду, тишину...
Пускай познаю жизни сладость,
Свою судьбу не прокляну!.....

1861 года. Сингилей.

* • * • *

Пой, играй! томлюсь отъ скуки...
Душу къ жизни пробуди:
Это чудо-эти звуки,
Будто силой горькой муки
Вылетаютъ изъ груди!...

Эти звуки, звуки рая
Чудо дѣлаютъ съ душой:
То до слезъ ее сжимая,
То волнуя, расплавляя,
Все уносятъ въ міръ иной!.....

Такъ отрадно забываться
И кипѣть и замирать...
Дай на вѣкъ мнѣ такъ остаться,
Чтобы вѣкъ не просыпаться
И земного не видать!.....

г. Орелъ 1858 г.

* • * • *

Говори, говори про любовь,
Разжигай, разжигай мою кровь,
Твои рѣчи такъ сладки всегда
И отъ нихъ мнѣ не будетъ вреда.
Въ нихъ ума и души теплота,
Въ нихъ и нѣга, и грусть, и мечта,
Въ нихъ страданій и чувствъ глубина,
Въ нихъ гармонія неба слышна!.....
Говори про любовь, говори!
Буду слушать съ зори до зори,
Цѣлый вѣкъ не сомкну я очей
Отъ твоихъ драгоцѣнныхъ рѣчей,
И, подъ ихъ гармоническій звукъ,
Пусть умру отъ восторга и мукъ!...

1860 г. г. Рязань.

* • * • *

Околдовали вы меня
Какой-то силою огня,
Пролили что-то въ грудь мою,
И я тоскую и пою!
Печаль отрадна и легка
И пѣсни льются съ языка...
И въ этихъ пѣсняхъ каждый часъ
Все я пою, пою про васъ!
Бѣгу-ль куда-нибудь съ тоской—
Вашъ образъ все передо мной;
Я говорю-ли съ кѣмъ-нибудь—
Васъ не могу не помянуть...
И что ни слово, что ни шагъ—
Все вы да вы въ моихъ рѣчахъ,
Все ваша доля и печаль,
И все мнѣ до смерти васъ жаль!
На все-бъ, мнѣ кажется, готовъ,
Чтобъ васъ избавить отъ оковъ,

Чтобъ полнымъ счастьемъ окружить
И подлѣ васъ до гроба жить,
Какъ на богиню все смотрѣть
И пѣсни сладкія вамъ пѣть.......
Околдовали вы меня
Какой-то силою огня,
Пролили что-то въ грудь мою,
И я тоскую и пою!.....

1860 г. г. Рязань.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

Не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.— (Изъ записокъ Дѣйствитель. Статск Совѣт· Лопухина):

Ликуетъ, славится Россія,
Все въ ней для пользы возстаетъ;
И старики и молодыя
Стремятся жить, идутъ впередъ...
То бытъ крестьянскій улучшаютъ,
То вводятъ грамотность вездѣ
И всѣ съ участьемъ поспѣшаютъ
На пользу ближнимъ и себѣ.
Могу-ли-жъ этому душою
И я сочувствовать, какъ Россъ,
Когда обиженъ я судьбою:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?....

Крестьянинъ силится учиться,
Сталъ человѣкомъ ужъ Еврей,
Вездѣ все мыслитъ и трудится
На пользу родины своей.
Во всемъ замѣтны улучшенья,
Цвѣтутъ искуства, мастерства;
Душа людей отъ просвѣщенья
Не такъ становится черства...
Могу ли-жъ я своей душою
Всему сочувствовать—вопросъ,—
Когда обиженъ я судьбою:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?....

Свобода, вольность мысли, гласность,
Богоугодныя дѣла
И честный судъ, и безопасность,
И меньше взятокъ, меньше зла;
Къ добру открыта всѣмъ дорога,
И всѣ, усердіемъ горя,
Благодарятъ и молятъ Бога
За благоденствіе Царя,
Но я... могу-ль радѣть душою,
Когда покоя нѣтъ отъ слезъ,
Когда обиженъ я судьбою:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?. ....

Да, время новое настало!.....
И утверждаютъ, что въ нашъ вѣкъ,
Какъ будто, больше правды стало,
Сталъ больше мыслить человѣкъ.
И я бы могъ судить открыто
И также громко говорить,
Что много зла еще сокрыто,
Что трудно зло искоренить;
Но можно-ль мыслью и душою
Мнѣ въ пользу дѣйствовать—вопросъ,—
Когда обиженъ я судьбою:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?......

О! въ это время возрожденья
И я-бъ трудиться честно сталъ,

Прошедшей жизни прегрѣшенья
Трудомъ загладить бы желалъ,
Чтобъ тѣломъ, духомъ возродиться,
Чтобъ совѣсть вѣкъ была чиста,
Чтобы всю жизнь, всегда стремиться
Примѣромъ Господа Христа....
Бывъ осужденъ молвой людскою,
Гдѣ-жъ трудъ возьму себѣ-вопросъ,—
Когда обиженъ я судьбою:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?, ...

Но люди, видя злое бремя
Нужды, бездѣйствія, заботъ,
И даже въ это наше время
Для чувства холодны, какъ ледъ!
Живи, какъ знаешь и какъ можешь,
Коль самъ виновникъ этихъ бѣдъ,
Хоть ты дрожишь и корку гложешь—
Намъ все равно, намъ дѣла нѣтъ!...
Просить не можешь ты участья:
Ты прежде пользы не принесъ,
Затѣмъ-то ты теперь въ несчатьи:
И нагъ, и голоденъ, и босъ!....

Но есть-ли мѣры заблужденью,
Прощенье юности грѣхамъ,
Въ комъ возродило ея стремленье
Къ добру и къ правдѣ, и къ трудамъ? ..
Иль долженъ онъ съ душой и дѣльный
Подъ игомъ зла всю жизнь скорбѣть,
Заглохнуть—и въ тоскѣ смертельной,
Въ развратѣ праздномъ умереть,
За тѣмъ, что разъ дорогой ложной
Пошелъ и пользы не принесъ,
Что согрѣшалъ неосторожно
И нагъ, и голоденъ, и босъ?.......

И нѣтъ тому уже возврата
На истинный спасенья путь,
Не можетъ онъ трудиться свято,
Жить для добра когда-нибудь!....

Но и въ злодѣ есть сознанье...
Спадаетъ временемъ кора—
И въ немъ рождается желанье
Молитвы, правды и добра;
А мнѣ... ужели нѣтъ участья
И не спастись отъ этихъ грозъ,
И долженъ гибнуть я въ несчастьи:
И нагъ, и голоденъ, и босъ?......

Я разорвалъ бы зла оковы,
Отъ сна востал бы для труда
И къ жизни лучшей, къ жизни новой
Воскресъ бы сердцемъ навсегда,
Послалъ бы много укоризны
Прошедшимъ днямъ, гдѣ все лишь тьма,
Лишь только дали-бъ средства къ жизни
И дали трудъ бы для ума!
Но нѣтъ, безплодны всѣ желанья:
Я прежде пользы не принесъ....
Я безъ участья, безъ вниманья.
И нагъ, и голоденъ, и босъ?......

1861. г. Сингилей.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Ну, вставай, говорятъ,
Оглянися назадъ,
Посмотри, что теперь и что прежде:
Всѣ проснулись давно
И не такъ ужъ темно,
Все теперь въ лучезарной одеждѣ.
Все стремится впередъ,
Все на пользу живетъ,
Загорѣлася жажда познанья;
Вотъ какой нынче вѣкъ:
Сознаетъ человѣкъ
Свою въ жизни и цѣль и призванье:
И солдатъ нашъ возсталъ
И не тѣмъ уже сталъ:

И толкуетъ и мыслитъ и судитъ;
Въ немъ теперь уже есть
Самолюбье и честь...
Погоди, еще это-ли будетъ!....
Нашъ ужъ русскій мужикъ
Развязалъ свой языкъ
На широкомъ раздольѣ свободы...
Жизнь по сердцу пришлась,
Онъ считаетъ, крестясь,
Свою жизнь безъ нужды и доходы.
Нашъ чиновникъ теперь,
Хоть и смотритъ, какъ звѣрь,
На квартиру, на хлѣбъ и заплатки,
Но боится надуть
Иль руки протянуть
Для безгрѣшныхъ доходовъ иль взятки.
Нашъ помѣщикъ съ слугой
Полновластной рукой
Расплатиться теперь ужъ не можетъ:
Онъ увѣрился въ томъ,
Что осудятъ потомъ,
Что битье никогда не поможетъ.
Отъ невѣжества золъ
Завели много школъ,
Стало меньше и пьянства и драки ..
Прославляютъ Творца,
И Еврею лица
Не оплюютъ теперь, какъ собакѣ!
Всѣ не такъ ужъ живутъ,
Всѣ взялися за трудъ,
Зацвѣли мастерства и искуства.
Согрѣвается кровь,
Есть ужъ къ ближнимъ любовь,
Христіанскія, добрыя чувства.
Поуменьшилась страсть,
И осмыслилась власть...
Оглянись, все не такъ, какъ бывало!....
Миновала гроза....
И продралъ я глаза,
Оглянулся-и совѣстно стало!
Стыдно праздно сидѣть,
Безъ участья глядѣть

На всеобщее жизни движенье;
Въ сердцѣ много есть силъ....
Гдѣ-же трудъ?—я спросилъ:
Гдѣ-же средства, чтобъ жить безъ лишенья?...
Трудъ захочешь найдешь,
Коль за этимъ пойдешь,
Будутъ средства, коль будешь трудиться.
И возсталъ я тогда,
И для жизни труда
Захотѣлось мнѣ мѣста добиться.
Но все косо глядятъ
И одно говорятъ:
Что-же прежде вы мало служили?
Я слыхалъ отъ молвы
Заблуждалися вы,
Много прежде вы въ жизни грѣшили.
А теперь, я-бъ и радъ,
Но боюся... наврядъ
Вы годны для труда, возрожденья:
Нравъ испорченъ у васъ,
Да къ тому-же ужъ разъ
Вы споткнулись-и нѣтъ вамъ спасенья!
Посмотрите на свѣтъ:
Къ вамъ участія нѣтъ,
Васъ ужъ вѣчно погибшимъ считаютъ,
Не хотятъ васъ и знать
И руки вамъ подать,
Даже встрѣчи и то избѣгаютъ!...—»

Вотъ судъ свѣта каковъ!
Гдѣ-жь искать намъ трудовъ,
Пищи сердцу и разуму дѣльной?
Какъ отъ скуки спастись?
Гдѣ съ участьемъ сойдтись!
И нужды избѣжать намъ смертельной?
Гдѣ—жъ разсвѣта тотъ лучь,
Что въ нашъ вѣкъ такъ могучь?
Гдѣ-же судъ христіанскій, правдивый?
Говорятъ: разсвѣло,
А вездѣ только зло
Лишь встрѣчаетъ себѣ несчастливый!...

Нѣтъ, друзья, рѣшено:
Еще сильно темно,
Еще много часовъ до разсвѣта,
Еще много труда
Намъ спастись отъ вреда,
Возродиться для чувствъ и привѣта!
Въ насъ великъ зла недугъ,
Излѣчить его вдругъ
Силой слова еще намъ не можно...
И теперь еще мы
Не раскрыли умы,
Еще мыслимъ и чувствуемъ ложно.
Много въ насъ злыхъ страстей,
Обвѣтшалыхъ идей
И неправедныхъ, лживыхъ возрѣній,
И кривой стороны...
Мы, къ несчатью, полны
Еще старыхъ, слѣпыхъ убѣжденій.
Погибающій братъ—
Всякій ближній-наврядъ
Въ насъ возбудитъ святое участье;
Есть и сила, и мочь—
Не хотимъ мы помочь
И спасти отъ бѣды и несчатья.
Мы не вѣримъ, что онъ
Можетъ быть возвращенъ
Нашей силой участья и воли
На прямой жизни путь,
Гдѣ онъ можетъ вздохнуть
И избавиться тягостной доли.
Если ближній упалъ,
То навѣкъ ужъ пропалъ,
Такъ мы думаемъ, въ горькомъ незнаньи
И спѣшимъ отъ него,
И не хочемъ его
Воскресить для добра и сознанья.
Нѣтъ, мы больше должны
Изучать глубины,
Тайны сердца и думать и мыслить,
Чтобъ вполнѣ и вѣрнѣй
Жизнь свою и людей

Мы могли разгадать и осмыслить.
Посидимъ, подождемъ,
Можетъ быть, доживемъ,
Когда царство мы правды увидимъ,
Когда умъ просвѣтимъ,
Сердце чувствомъ смиримъ,
Брата ближняго мы не обидимъ.
Мы постигнемъ, какъ жить,
И не будемъ служить
Человѣкъ человѣку машиной.
Будетъ совѣсть чиста —
И завѣтъ весь Христа
Мы исполнимъ въ любви лишь единой!...

1861 г. г. Сингилей.

ТРОЙКА.

(Переложеніе Лермонтовскаго перевода изъ Зейдлица: *Воздушный Корабль.*)

По снѣжнымъ сугробамъ Сибири,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Могучая тройка несется
Въ рогожею крытыхъ саняхъ.

Не слышится фырканья, ржанья,
Но бѣшеной тройки той бѣгъ
И молча несется та тройка,
Взметая копытами снѣгъ.

Не видно, кто-бъ тройкой той правилъ:
Въ ней нѣтъ ямщика съ сѣдокомъ,
Но вьюги, сугробы, мятели,
Ухабы—ей все ни по чемъ!

Есть мѣсто въ холодной Сибири:
Пустынный и мрачный тамъ видъ;
Въ томъ мѣстѣ съ курганомъ могила,
Въ могилѣ—приказный зарытъ.

Зарытъ онъ безъ слезъ и рыданій,
Могильщикъ его закопалъ;

Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ онъ изъ могилы не всталъ.

За кражу казны и за взятки
Онъ сосланъ давно былъ сюда
И здѣсь опочилъ онъ на вѣки
Отъ подлостей, зла и вреда.

И въ часъ его страшной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ могилѣ его позабытой
Та тройка всегда пристаетъ.

Изъ гроба тогда тотъ приказный
Встаетъ,.. и въ очахъ его мракъ...
На немъ обвѣтшалая шапка
И старый, засаленный фракъ.

На шеѣ приказнаго тонкой
Чернильная стклянка виситъ,
Въ рукахъ и законъ и бумага,
Перо за ушами торчитъ.

Въ карманы засунувши руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ онъ и въ сани садится
И быстро пускается въ путь

Несется онъ въ городъ Россіи,
Гдѣ былъ онъ за зло осужденъ,
Гдѣ бросилъ мошенника-сына,
Приказныхъ товарищей онъ.

И только палату родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
То руки и ноги трясутся
И весь онъ пылаетъ огнемъ.

Въ палату большими шагами
Онъ скоро и смѣло идетъ,
Приказныхъ товарищей кличетъ,
Просителей грозно зоветъ.

Но нѣтъ ужъ просителей прежнихъ,
Несчастныхъ невѣждъ и глупцовъ,
Кого надувалъ онъ и грабилъ
Безъ совѣсти много годовъ.

Приказные зова не слышатъ:
Иные погибли въ тюрьмѣ,
Другіе ему измѣнили
И честность познали въ умѣ.

И вспомнилъ онъ тутъ все былое,
Всю жизнь и свою и друзей,
Какъ не было ихней палаты
Безчестнѣй, безсовѣстнѣй, злѣй;

Какъ подло въ ней было начальство
И даже вся низшая тварь,
Во зло обратившая власти
И все, что довѣрилъ имъ Царь;

Какъ всѣ попирали законы,
Творили неправедный судъ....
И сколько слезъ вдовъ и сиротскихъ
Пролито незнаемыхъ тутъ.

И вспомнилъ онъ тутъ, какъ однажды
Явился къ нимъ, вдругъ, ревизоръ
Нежданно изъ дальней столицы
И сдѣлалъ имъ всѣмъ приговоръ:

Иныхъ отдалилъ отъ правленья,
Другихъ въ кандалы заковалъ
И многихъ воровъ и злодѣевъ
Въ снѣга онъ Сибири сослалъ.

И, топнувъ ногою, приказный
Сердито и взадъ и впередъ
Въ присутственномъ мѣстѣ все ходитъ
И снова онъ громко зоветъ.

Зоветъ онъ мошенника-сына,
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ законы,
Доходы-жъ и взятки—себѣ.

Но въ ямѣ, въ цѣпяхъ, за стѣнами
Угасъ его взяточникъ-сынъ,
И, долго его поджидая,
Стоитъ тамъ приказный одинъ;

Стоитъ онъ, вздыхаетъ и плачетъ,
Махаетъ бумагой, перомъ

И слезы свои утираетъ
Засаленнымъ онъ рукавомъ,

Потомъ онъ на тройку лихую,
Главу опустивши на грудь
Садится, и съ злобной душою
Въ обратный пускается путь.

1861. г. Сингилей.

БЛУДНИЦА.

И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»

(Изъ стиховъ Полежаева „*Грѣшница*“):

О, не думайте, добрые люди,
Что во мнѣ ни души, ни ума:
Сердце бьется давно въ этой груди,
Но погибла я такъ-не сама!...
Лѣтъ семи я у матери бѣдной
Въ нищетѣ и въ загонѣ жила..
Кто не помнитъ той дѣвочки блѣдной,
Что раздѣтая по міру шла
И сбирала куски подаянья?....
И мнѣ каждый изъ этихъ кусковъ
Не достался безъ слезъ и рыданья,
Безъ обидныхъ насмѣшливыхъ словъ!...
Я стыдилась, ходить не хотѣла:
Какъ-то совѣстно было сбирать,
Но за то и не ѣвши сидѣла,
Меня била и гнала все мать.
Вся семья такъ кормилась кусками...
Мнѣ твердили: «иди, да иди!....»
Вотъ я выросла... вмѣстѣ съ лѣтами
Сердце начало биться въ груди.

И не знаю съ чего стосковалась,
Все хотѣлося вырваться въ свѣтъ,
Но ходить ужъ просить не рѣшалась,
А одежды и хлѣба ужъ нѣтъ.
Не подъ силу пришло это бремя:
И нужда, и тоска, и загонъ....
Тутъ, на грѣхъ, въ это самое время
Къ намъ пригнали стоять батальонъ.
Въ нашемъ городѣ было за диво,
Мы военныхъ не видѣли вѣкъ
И казалося намъ такъ красиво,
Коль военный пройдетъ человѣкъ.
Тутъ открылися всѣмъ намъ досуги;
Мы по улицамъ стали скакать...
И ко мнѣ что-то стали подруги
Приходить, да чему-то смущать.
«Посмотри, говорили дѣвчонки:
Такъ, вѣдь, жить и бѣда и тоска:
У тебя во все нѣтъ одеженки,
Ты сидишь, вѣдь, безъ хлѣба куска ..
Есть у насъ человѣкъ на примѣтѣ:
Онъ, хоть, правда, собой не хорошъ,
Да за то всѣхъ богаче на свѣтѣ,
Съ нимъ ты жизнь не такую найдешь...
Будешь въ счастьи ты жить, веселѣе...
Ты теперь и въ порѣ и въ красѣ....
Эй, рѣшися, рѣшися скорѣе!.,..»
Говорили подруги мнѣ всѣ.
Насулили мнѣ злата и шелку,
Толковали по днямъ и ночамъ,
Сбили дѣвочку глупую съ толку:
Я повѣрила ложнымъ словамъ!
Но и тутъ еще я-бъ не рѣшилась,
Да ужъ больно заѣла нужда,
Да души здѣсь такой не случилось,
Кто-бъ отвелъ отъ грѣха и вреда.
Вотъ подруги съ сѣтями обмана
Повели меня въ темную ночь,
Да хватилася мать меня рано:
«Что за чудо?—гдѣ ходитъ все дочь?
И откуда беретъ все обновки?

Гдѣ, вдругъ, деньги дѣвчонка взяла?..»
Знала мать всѣ дѣвичьи сноровки—
И все дѣло сейчасъ поняла..
И ужъ какъ меня била родная!....
Я снести этихъ мукъ не могла...
Словно мачиха била лихая...
Въ тотъ же день я въ горячку слегла.
И съ полгода на мертвой постели
Я лежала безъ чувствъ и одна.
Для какой-же осталась я цѣли?
Для чего я теперь ужъ годна?
И зачѣмъ я живая осталась?
Лучше мнѣ бы тогда умереть....
Вотъ мнѣ доля какая досталась:
Вѣкъ позоръ и безчестье терпѣть!....
Съ той поры я себя не щадила
И зашла ужъ въ развратъ далеко,
Хотя совѣсть порой и твердила,
Что вдалася я въ грязь глубоко....
Но не думайте, добрые люди,
Что во мнѣ ни души, ни ума:
Сердце бьется давно въ этой груди,
Но погибла я такъ—не сама!......

1861 г. г. Сингилей.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ЧИНОВНИКА.

Боже, что за развращенье!
Что такое люди врутъ?
Видно свѣта представленье,
Видно скоро Страшный Судъ!
Стали всѣ кричать въ народѣ
И печатать и писать,
Будто честность нынче въ модѣ,
Что не должно взятокъ брать,
Что должно намъ всѣмъ стремиться
Къ свѣтлой истинѣ, къ труду,
Чтобъ очищеннымъ явиться

Тамъ... къ Господнему Суду....
О, служащіе всѣ братья,
Гибель вашей всей судьбѣ!
Что за ложныя понятья
Вы составили себѣ:
О гуманности, о чести,
О призваніи людей,
О доходномъ въ службѣ мѣстѣ
И о выгодѣ своей!...
У писателей голодныхъ,
Выхваляющихъ свой умъ,
Вы какихъ-то благородныхъ
Набралися чувствъ и думъ.
Бросьте ихъ и не читайте:
Это выдумка и ложь,
Жить, какъ прежде, продолжайте
Иль—пропали ни за грошъ!
Что за глупая идея
Жить безъ взятокъ, помнить честь?
Можно красть и не краснѣя,
Когда нечего намъ ѣсть.
Какъ же можно жить безъ взятокъ,
Коль обижены судьбой,
Коль все платье изъ заплатокъ
И желудокъ нашъ пустой?
Какъ же жить съ женой, съ дѣтями?..
Намъ ли взятки брать грѣшно?
Это нашими отцами
Намъ въ крови передано.
Какъ терпѣть такую муку?
Вѣдь иной, хоть радъ не радъ,
По неволѣ тянетъ руку,
Коль дается этотъ кладъ.
Насъ, пожалуй, очень строго
По нуждѣ нельзя судить,
Хоть иной и очень много
Клалъ въ карманы, можетъ быть...
Мы къ томужъ не просвѣщены,

. . . .
. . . .
. . . .

Вѣдь вездѣ, во всякомъ мѣстѣ
И во всякой службѣ нѣтъ
Этой свѣтлой, чистой чести,
О которой пишетъ свѣтъ.
Говорятъ, что благороднѣй,
Быть въ военной... эхъ, слѣпцы!
Тамъ есть должности доходнѣй,
Есть и тамъ, вѣдь, ... !
Ужъ такая въ насъ природа...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Словомъ, правду говоря,
Всѣ берутъ безъ исключенья,
Крадутъ даже писаря
И повинной также части
Взятки любятъ очень брать....
Рѣдкій можетъ этой страсти
Въ жизни бренной избѣжать!
Тамъ повѣренный не свѣритъ,
Цѣловальникъ отольетъ,
И купецъ всегда обмѣритъ...
Ужъ на этомъ свѣтѣ живетъ!

Какъ же мыслью, словомъ гласнымъ,
Раскрывая этотъ ядъ.
Сдѣлать кражѣ не причастнымъ
Человѣчесто хотятъ?

Что за мысль у всѣхъ явилась?
Всѣ толкуютъ «честь, да трудъ»...
Когда кража вкоренилась,
Потому что ей живутъ!....
Что, какъ въ этомъ вдругъ успѣютъ?
Чѣмъ бѣдѣ тогда помочь?
Что-то многіе робѣютъ
И отъ взятокъ прочь, да прочь.
Нынче всякій лучше сноситъ
Нужду, горе отъ заботъ,
А ужъ что-то не попроситъ
Иль, какъ прежде, не возьметъ.
Чисто нравовъ развращенье:
Всѣ толкуютъ—«честь, да трудъ»........
Видно свѣта представленье,
Видно скоро Страшный Судъ!...

1861 г. г. Сингилей.

ПРИКАЗНЫЙ СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Вотъ вамъ любитель старый взятокъ:
Подобострастный бѣглый взглядъ,
Онъ ходитъ въ сапогахъ безъ пятокъ
И носитъ фракъ до самыхъ пятъ.
Всегда онъ ходитъ очень шибко,
Ступаетъ тихо, будто воръ,
Подобострастная улыбка,
Подобострастный сладкій взоръ
Всегда онъ кланяется низко,
Въ дугу согнутая спина,
Стоять нельзя съ нимъ очень близко:
Такъ тянетъ запахомъ вина.
Крючковъ и каверзовъ трофеи:
Перо изъ за-ушей торчитъ
И пузырекъ на тонкой шеѣ
Всегда съ чернилами виситъ.
Рука протянута позади,
Чтобы проситель не забылъ

И за прошенье Христа ради
Ему на водку положилъ.

1861 г. Сингилей.

ПРИКАЗНЫЙ НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Одѣтъ бываетъ очень разно:
Иной опрятно, вонъ изъ рукъ,
Другой въ заплатахъ, очень грязно,
Но фракъ не носитъ, а сюртукъ.
Подобострастныя движенья,
Рука не сзади, только взоръ,
Какъ будто, проситъ за прошенье
Иль за какой-нибудь тамъ вздоръ.
Всегда худой, какъ будто, чахнетъ,
Въ устахъ улыбка и вопросъ,
Виномъ не очень часто пахнетъ,
Но выдаетъ багровый носъ,
Черты лица такъ низки, сладки...
И весь онъ, будто, говоритъ:
«Я не могу прожить безъ взятки—
Такъ долгъ и совѣсть мнѣ велитъ!»

1861 г. г. Сингилей.

ПАРОДІЯ.

Дай, о, дай! томлюсь съ похмѣлья...
Душу къ жизни пробуди!
Это прошлое веселье
На проклятомъ новосельѣ
Такъ и тянетъ изъ груди!

Эта водка, водка злая
Чудо дѣлаетъ съ душой:
То безъ мѣры услаждая,
То, желудокъ разслабляя,
Послѣ мутитъ все собой.

Но отрадно напиваться
И напившись, крѣпко спать...
Дай мнѣ такъ скотомъ остаться,
Чтобы вѣкъ не просыпаться,
Трезвой жизни не видать!...

1861 г. Сингилей.

ПЬЯНИЦА.

Я дурачуся всегда,
Пью за тѣмъ, что скучно.
Да, вѣдь, съ пьянствомъ никогда
Радость не разлучна!

Но за то, когда просплюсь,
То теряю силу:
Такъ страдаю и томлюсь—
Просто хоть въ могилу!

Еслижъ только рюмки двѣ
Выпьешь, то не въ шутку
Веселѣе головѣ,
Легче и желудку.

Тамъ опять все пью, да пью,
Тамъ опять похмѣлье...
Такъ-то я всю жизнь свою
Провожу въ весельи.

Говорятъ, что много пить
Вредно, негодится...
Не могу безъ водки жить
Какъ остепениться?

Съ водкой скверное житье,
Самъ я это знаю,
Но увижу гдѣ ее—
Тотчасъ выпиваю.

Знаю: мнѣ ужъ не минуть
Горловой чахотки...

Я умру когда-нибудь
За стаканомъ водки!....

1861 г. Сенгилей.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Насталъ день чудный торжества,
Сбылись желанія благія:
Отъ ига древняго рабства
Освобождается Россія!
О чемъ всѣ думали давно,
Чего желали тайно, явно—
Теперь совсѣмъ ужъ рѣшено
И обнародовано славно!...
Окончилъ разомъ Царь борьбу...
Теперь народъ стряхнувъ оковы,
Благословитъ свою судьбу,
Добро и счастье жизни новой!
Улучшенъ тяжкій, жалкій бытъ,
Нѣтъ безсловеснаго страданья...
Пускай въ народѣ говоритъ
Всегда молчавшее сознанье!...
Гордимся мы: рабовъ ужъ нѣтъ,
Нѣтъ деспотизма—равны люди!
Пусть озаряетъ жизни свѣтъ
Трудомъ подавленныя груди!
Теперь въ крестьянинѣ, трудомъ
Томящемъ жизнь свою отъ вѣка,
Признали сердцемъ и умомъ
Мы не раба, но человѣка!
Нашъ пахарь весело вздохнетъ,
Благословляя легкость доли...
Окрѣпнетъ Русь и весь народъ
Въ свободной и разумной волѣ!...
Крестьянинъ намъ и братъ и другъ,
Свободно можетъ онъ трудиться;
Воскреснутъ силы въ немъ и духъ
И потъ кровавый уменьшится!

Признаньемъ истиннымъ горя,
Чтобъ наша жизнь цвѣла, свѣтлѣла,
Помолимъ Бога за Царя,
Что совершилъ такое дѣло!
За всѣхъ, чьи души и умы
Стремились благо дать народу:......
Избавить зла, незнанья тьмы,....
Возстановить его свободу!....
Окрѣпнетъ Русь и весь народъ....
Съ надеждой твердой, съ вѣрой въ Бога
Пойдемъ все выше и впередъ,
И совершитъ Россія много!

1861. г. Сингилей.

КЪ НАРОДУ.

Утирайте слезы, мученики-братья!
Не гордимся больше мы своей породой...
Простираетъ Русь вся къ вамъ свои объятья,
Поздравляетъ всѣхъ васъ съ дорогой свободой!
Не остались втунѣ ваши ожиданья:
Произнесъ Царь слово мысли благотворной—
И сравнялся съ бѣлымъ весь народъ нашъ черной!..
Нѣтъ рабовъ межъ нами-всѣ равны мы люди:
Отъ начала вѣка-баре и крестьяне,
Все однимъ же сердцемъ бьются наши груди
И одни по вѣрѣ всѣ мы христіане.
Всѣмъ права даны намъ и даны дороги,
Для добра и правды всѣмъ пути открыты...
Меньше будутъ вами наполнять остроги,
Всѣ постановили ужъ себѣ заботой,
Чтобъ улучшить бытъ вашъ и права свободы.
Торговать не станутъ вами, какъ товаромъ:
И для васъ настали судъ и правосудье!
Безъ суда, расправы вашъ не тронутъ волосъ,
И никто съ семьею васъ ужъ не разлучитъ!
Наступило время гордости народной,
Въ насъ кипятъ надежды, силы и отвага...,

Принесемъ молитвы мы за трудъ свободный,
Какъ залогъ народа будущаго блага!
Утирайте слезы, бросьте всю унылость!
Вамъ дана свобода и права, и льготы...
Оправдаемъ, братья, эту Бога милость,
Царскія старанья, Царскія заботы!
И, очистивъ сердце отъ страстей недуга.
Злобы и неправды—этой тьмы грѣховной,
Да возлюбимъ свято, крѣпко мы другъ друга,
И составимъ вмѣстѣ мы союзъ духовный!....

1861. г. Сингилей.

---

* • * • * • *

Молись народъ! ты сбросилъ бремя
Томящей жизни безъ плода
И для тебя настало время
Свободы, славнаго труда!
Иди впередъ теперь безъ страха,
Мужайся въ счастьи и крѣпись
И за Вѣнчаннаго Монарха,
За Избавителя молись!

Молись за всѣхъ, кому не чужды
Твои страданія, твой бытъ,
Твои лишенія и нужды,
Кто вновѣ жизнь тебѣ даритъ,
Молись за тѣхъ, кто безусловно
Для блага, счастья твоего
Отрекся такъ безпрекословно
Отъ выгодъ права своего.

Молись за тѣхъ, кто мыслью, дѣломъ
Старался блага дать тебѣ,
Кто преданъ былъ душой и тѣломъ
Твоей страдальческой судьбѣ,
Кто умъ твой грубый и суровый
Свѣтитъ наукой... встань! крѣпись!

И, наслаждаясь, въ жизни новой
За всѣхъ, за всѣхъ теперь молись!

1861. г. г. Сингилей.

МОЛИТВА.

Мнѣ тяжело, Святой Спаситель,
Не въ силу мнѣ Твой крестъ святой!
Грѣха людскаго Искупитель,
Прости мнѣ ропотъ грѣшный мой!
Брожу одинъ во тьмѣ, убитый...
Ни день, ни ночь покоя нѣтъ...
Тоски смертельной пламень скрытый
Мнѣ душу сжегъ на утрѣ лѣтъ.
Увяли силы молодыя
Отъ тяжкихъ мукъ и отъ скорбей,
И помышленія святыя
Теперь чужды душѣ моей!
Желанье есть Тебѣ молиться,
Но нѣту чувствъ... душа пуста
И день и ночь она томится,
И для молитвы не чиста.
О, Ты, пролившій кровь святую
За грѣшный міръ! молю: прости
И душу грѣшную, больную!
Отраднымъ свѣтомъ просвѣти!
Пошли мнѣ силу, дай мнѣ волю
И вѣру твердую въ Тебя,
Чтобъ я безрадостную долю
Сносилъ покорно и любя,
Чтобъ я въ житейскомъ этомъ морѣ
Носилъ покорно крестъ святой,
Встрѣчалъ страданіе и горе
Съ неустрашимою душой!......

1859 г. г. Кіевъ.

* • * • *

Какъ грустно жизнь моя проходитъ
Въ холодномъ мракѣ бытія,
Ни въ чемъ отрады не находитъ
Душа мятежная моя!

Отъ первыхъ дней, отъ колыбели
Не видѣлъ ласки я родной
И не къ одной стремился цѣли,
Но не достигнулъ ни одной!

Пренебреженный и гонимый
Не зналъ я чувства отъ чужихъ,
Ни ласки матери родимой,
Ни ласки близкихъ мнѣ родныхъ.

Мои надежды и желанья
Ни разу въ жизни не сбылись..
Дни жизни, полные страданья,
Холоднымъ мракомъ облеклись.

Одинъ, безъ чувства и угрюмый,
Я трачу жизнь въ чаду страстей,
Съ одной мучительною думой,
Съ тоской безвыходной моей.

Нѣтъ ни одной души на свѣтѣ:
Ни въ шумѣ свѣта, ни въ тиши,
Чтобъ кто постигъ страданья эти
И пожалѣлъ бы отъ души!

И знаю: съ скорбью безъисходной
Земля мнѣ скоро дастъ пріютъ
И прахъ мой жалкій и холодный
Осудятъ всѣ и осмѣютъ.

И такъ въ чаду страстей, разврата
Оставлю жизнь я безъ слѣда...
И обо мнѣ добромъ и свято
Никто не вспомнитъ никогда!....

1861 г. Сингилей.

* • * • *

Когда житейской бури шумъ
Разрушитъ твой покой,
Объяты будутъ сердце, умъ
Мучительной тоской,
Когда подъ бременемъ креста
Ты духомъ изнемогъ,—
Проси все именемъ Христа,
И дастъ тебѣ все Богъ!

Когда и дружба и любовь
Въ обманъ тебя введутъ,
Застынетъ рано въ сердцѣ кровь
И чувства всѣ умрутъ,
Когда душа твоя пуста
Отъ жизненныхъ тревогъ,—
Проси все именемъ Христа,
И дастъ тебѣ все Богъ!

Когда сразитъ неправда, ложь,
Постраждешь отъ вражды,
Когда покоя не найдешь
Отъ горя и нужды,—
Въ трудѣ молитвы и поста,
То вѣрный ужъ залогъ,
Проси все именемъ Христа,
И дастъ тебѣ все Богъ!

Когда и въ мертвенность впадешь
Отъ разныхъ жизни грозъ
И для молитвы не найдешь
Ни чувства ты, ни слезъ...
И совѣсть будетъ не чиста
Отъ разныхъ злыхъ тревогъ,—
Проси все именемъ Христа,
И дастъ тебѣ все Богъ!

1861 г. г. Сингилей.

МОЛИТВА.

Къ Тебѣ, Спаситель мой, съ горячею мольбою
Дерзнулъ прибѣгнуть я въ тяжелый жизни часъ:
Пролей лучь благости надъ грѣшною душою,
Пролившій кровь свою пречистую за насъ!.....

Я душу осквернилъ развратомъ и порокомъ,
Въ безумныхъ оргіяхъ всѣ силы истощилъ,
И позабылъ Тебя въ невѣдѣньи глубокомъ...
И Ты, Спаситель мой, и Ты меня забылъ!...

И скорби, и нужда, всѣ жизни треволненья
Застигнули меня нежданно и въ расплохъ;
Возтали люди всѣ съ позоромъ осужденья.
И вспомнилъ я Тебя, Спаситель мой и Богъ!

И тяжко мнѣ теперь и грустно въ это время:
Погибли всѣ мои надежды и мечты!
И въ жизни я влачу мучительное бремя:
Бездѣйствія, заботъ, тоски и нищеты!...

Въ сомнѣнья погруженъ мой жалкій умъ-мучитель,
Изнылъ мой падшій духъ отъ горя и отъ слезъ...
Но кто же, какъ не Ты помилуешь Спаситель?.
Но кто же грѣшника спасетъ, какъ не Христосъ?..

Спаси меня мой Богъ, избавь меня страданья,
Дай возродиться мнѣ душой и сердцемъ вновь,
На сердце хладное пролей мнѣ упованье,
Надежду свѣтлую и вѣру, и любовь!.....

1861 г. г. Сингилей.

Погрязъ я въ омутѣ порочнаго волненья,
Всѣ силы истощилъ на пиршествахъ страстей
И знаю, для меня не будетъ возрожденья,
Погибну я одинъ безъ чувства отъ людей!
И въ мірѣ этомъ я безчувственномъ, холодномъ
Не брошу и души завѣтной по себѣ,
Ктобъ могъ когда-нибудь, хоть словомъ благороднымъ

Иль вздохомъ искреннимъ, воспомнить обо мнѣ!
Но если-бы теперь, въ лѣта моихъ страданій,
Явилась женщина нежданно предо мной
Съ душою любящей и полною желаній,
Блестящая умомъ и рѣдкой красотой,
И съ чувствомъ истиннымъ горячаго участья
Возвала бы меня ко благу и добру,—
О, я бъ возсталъ тогда изъ гибели несчастья
И сбросилъ бы съ души томящую кору!..
Собралъ бы всѣ свои послѣднія усилья,
Забвенью предалъ бы грѣхи прошедшихъ дѣлъ,
Расправилъ бы свои опущенныя крылья,
И въ слѣдъ за нею бы съ восторгомъ полетѣлъ!
И ей бы посвятилъ всѣ дни свои и лѣта
За то, что возвала меня ко благу вновь,
Дала увидѣть мнѣ лучь праведнаго свѣта
И въ душу мнѣ влила блаженство и любовь!

1861 г. г. Сингилей.

* • * • *

Отчего же на долю мою
Мало выпало радостныхъ дней?
И зачѣмъ я такъ душу свою
Погубилъ для безумныхъ страстей?
Отчего нѣту силъ у меня,
Нѣту воли бороться съ собой?
И зачѣмъ малодушенъ такъ я
Что боюся сразиться съ судьбой?—
Оттого, что я рано узналъ
Всѣ удары жестокой судьбы,
Оттого, что я много страдалъ;
Не созрѣлый для бурь и борьбы!
И, страдая, въ некрѣпости силъ,
Одинокъ, безъ участья, въ глуши,
Я послѣднія силы сгубилъ
И всѣ свѣжія чувства души!
И съ мучительной думой въ умѣ,

Съ безъисходной тоскою въ груди
Сталъ бродить я въ губительной тьмѣ,
Не предвидя добра впереди,..
И теперь безъ надежды гляжу
На погибшую юность свою
И все глубже я въ грязь ухожу
И кляну горько жизнь я мою!
Такъ и цвѣтъ по весенней порѣ:
Онъ еще не расцвѣлъ, не возросъ—
Выпалъ иней сѣдой на зарѣ,
И сгубилъ его ранній морозъ!....

1861. г. Сингилей.

КЪ ЮНОСТИ.

Юность, юность моя
Горемычная,
Къ свѣтлымъ радостямъ
Не привычная!
Ты туманомъ густымъ
Обложилася,
Ты смертельной тоской
Омрачилася!
Не въ привѣтѣ ты
Развивалася,
Съ этимъ чувствомъ ты
Не знавалася!
Горе, скорбь, нужда
Непомѣрныя—
Вотъ сопутники
Твои вѣрныя!
Всѣ мечты твои—
Поразрушены
Чувства пылкія—
Всѣ заглушены!
Облетѣлъ, отцвѣлъ
Твой красивый цвѣтъ!

И расцвѣсть опять
Ужъ надежды нѣтъ:..

1861 г. г. Сингилей.

ВИДѢНІЕ.

Случается порой отъ грязнаго разврата,
Отъ бѣшеныхъ страстей приходишь, утомясь,
Когда душа тоской смертельною объята,
И чувствуешь вполнѣ глубоко эту грязь,
И совѣсть говоритъ, и грозно укоряетъ
Въ забвеніи добра, въ потери чистыхъ думъ,
И сердце отъ стыда и скорби изнываетъ,
И злобно всѣ дѣла обсуживаетъ умъ,—
И въ эти-то часы томленія и муки
Мнѣ чудится, стоитъ Спаситель предо мной:
Скрестивши на груди божественныя руки,
Онъ съ грустью, будто, мнѣ качаетъ головой....
И въ этотъ самый мигъ не съ страхомъ, но съ любовью
Несу мои мольбы отъ сердца, но безъ силъ
Тому, кто всесвятой, животворящей кровью
Грѣхъ міра цѣлаго всесвято искупилъ!
И слышится тогда, печально и уныло
Онъ, будто, говоритъ мнѣ, грѣшному: „возстань!
Забуду и прощу я все, что прежде было,
Но болѣе грѣшить страшись и перестань!"
И сладко тѣ слова на душу мнѣ ложатся,
Проходитъ и тоска и тяжкая печаль,
И много свѣтлыхъ думъ въ умѣ моемъ толпятся,
И смѣло я гляжу грядущаго на даль.
Мнѣ кажется тогда, что силы я имѣю,
Что выше поднимусь я, страсти усмиря,
И что когда-нибудь надъ жизнію моею
Взойдетъ во всей красѣ блестящая заря!......

1861. г. Сингилей.

КЪ ОБЩЕСТВУ.

Вы осудили всѣ нужды и бѣдствія
Точно, какъ будто, позоръ,
Вы безо всякаго вѣрнаго слѣдствія
Свой изрекли приговоръ.
Вы отдаете правдивое: должное
Мыслямъ моимъ и уму,
Но что пошелъ я дорогою ложною,
Впалъ я въ порочную тьму...
Чтобы судить, такъ вы станете грудію,
Радуясь тяжкой бѣдѣ..
Если же искра, хотя, правосудія
Въ вашемъ всеобщемъ судѣ?....
Такъ, ваша правда: съ ступеней высокаго
Внизъ я теперь ужъ сошелъ,
До униженья разврата глубокаго,
До сожалѣнья дошелъ,—
Гдѣ же причины такого паденія?—
Вотъ въ чемъ быть долженъ вопросъ:—
Крайность, нужда, невниманье, лишенія—
Все, что несу я и несъ!....
Съ первыхъ годовъ велъ борьбу я открытую
Съ злобной моею судьбой,
Вышелъ изъ битвы съ душою разбитою
Горемъ, тоской и нуждой!
Въ праздности страсти во мнѣ развивалися,
Гибель была ужъ близка....
Чувства и силы мои истощалися,
Пала на сердце тоска!
Умъ находился въ заботѣ мучительной,
Тутъ занесенъ былъ сюда:
Здѣсь постоянно въ нуждѣ сокрушительной
Жилъ, тосковалъ безъ труда.—
Чужды мнѣ были привѣтъ и ласкательства,
Жилъ не въ угоду свою;
Всѣ-же родныя ко мнѣ обязательства
Душу томили мою.
Тяжко мнѣ было чужимъ одолженіемъ,
Какъ подаяніемъ жить,
А для труда здѣсь, въ глуши запустѣнія,

Средства не могъ я открыть
Правда, случалось, блеснетъ и участіе,
Будто отъ сердца людей,
Вскорѣ-жъ оно обращалось въ несчастіе,
Въ рядъ неудачь и скорбей.
Эти-же люди, на дѣлѣ холодныя,
Что объ добрѣ такъ кричатъ,
Тотчасъ услуги свои благородныя
Брали бездушно назадъ.
Вотъ и забылъ я все благо небесное,
Впалъ въ эту тьму глубоко,
Только отъ низкаго и отъ безчестнаго
Былъ я всегда далеко!......
Вся же вина моя въ томъ заключается,
Что мое сердце съ душой
Въ шумный разгулъ отъ тоски погружается,
Чтобы забыться порой.....
Въ комъ же изъ васъ, мои судьи ужасные,
Нѣтъ недостатка, грѣха?
Всѣль вы правдивые, всѣли безстрастные?
Совѣсть у всѣхъ-ли тиха?
Что же бросаете злобно каменія,
Учите праведно жить?....—
Лживы, безмысленны ваши воззрѣнія!...
Съ вашимъ ли сердцемъ судить?
Дайте мнѣ средства, дорогу открытую,
Честнаго дайте труда,
Я воскрешу мою душу убитую,
Выйду изъ мрака тогда!....
Въ сферѣ труда, чистыхъ чувствъ и мышленія
Правой дорогой пойду,
И опровергну всѣ ваши сужденія
Къ вашему только стыду!

1861 г. г. Сингилей.
Симбирской губерніи.

* . * . *

Хорошо въ природѣ,
Все свѣтло и чудно,
Мнѣ же на свободѣ
Тяжело и трудно!
Что моя свобода,
Что моя и воля,
Если годъ отъ года
Моя хуже доля?
Люди всѣ какъ люди,
Я—же изнываю
И въ разбитой груди
Грусть одну скрываю.
Съ злобною судьбою
Биться не умѣю
И владѣть собою
Силы не имѣю!
Овладѣли страсти,
Съ тьмой окрѣпли связи,
Нѣту силъ и власти
Выскользнуть изъ грязи
Надѣлилъ Богъ много
И умомъ и даромъ,
Не сберегъ я строго,
Потерялъ все даромъ
И нужда заѣла
Сильно лиходѣйка,
Въ сердцѣ—же запала
Грусть—тоска злодѣйка!
Что мнѣ дарованье
И мой умъ безвластный,
Если умъ и знанье
Гибнутъ здѣсь напрасно?
Я—ли самъ виновенъ,
Люди—ли виновны,
Я-ль суда достоинъ
Иль они достойны?
Знаю лишь, что скоро,
Всю растративъ силу,

Сгибну безъ опоры
И сойду въ могилу!
Будь-же, что ни будетъ!
Гибель, заблужденье....
Пусть самъ Богъ разсудитъ
Тамъ мое паденье!

1861. г. Сингилей.

* • * • *

Скоро-ли время придетъ:
Стану я твердой ногою
И моя жизнь потечетъ
Ровной, спокойной волною?
Скоро-ли душу свою
Востановлю изъ паденья,
Зло всѣ дѣла осмѣю,—
Прежнія всѣ заблужденья?
Скоро ли правдой, трудомъ
Я докажу всѣмъ пріятно,
Что съ дарованьемъ, съ умомъ
Я не погибъ безвозвратно!...
Въ ходъ всѣ усилья пущу,
Выйду на тропу прямую,
И позабуду, прощу
Зло и неправду людскую!....

1861. Сингилей.

НИЩІЙ.

Праздникъ великій сегодня...
Я-же въ нуждѣ, одинокъ...
Власть на то видно Господня,
Вѣрно такой ужъ мой рокъ!..
Сердце изныло все въ груди,

Давитъ мнѣ душу тоска...
Знаютъ родные и люди,
Что я сижу безъ куска....
Что-жъ имъ! они не безъ пищи:
Сыты, довольны собой...
Я-же презрительный нищій,
Злобной гонимый судьбой!.....

Много терплю униженій
Въ чуждой избѣ, безъ гроша,
Слышу упреки и пѣни...
Жмется отъ боли душа.
Тяжко сносить мнѣ все это..
Горько кляну свои дни,
Холодъ и каменность свѣта,
Холодъ и злобу родни....
Что имъ! они не безъ пищи,
Сыты, довольны собой;
Я-же презрительный нищій,
Злобной гонимый судьбой!...

Стыдно просить подаянье:
Молодъ и званіе есть;
Кралъ бы, да въ сердцѣ сознанье:
Совѣсть правдивая, честь...
Сталъ бы трудиться глубоко—
Нѣту труда для меня:
Люди лишь судятъ жестоко,
Холодно смотритъ родня....
Что имъ! они не безъ пищи,
Сыты, довольны собой;
Я же презрительный нищій,
Злобной гонимый судьбой

Такъ межь страстей и разврата,
Не отразивши нужду,
Въ этой грязи безъ возврата,
Бѣдный, на вѣкъ пропаду!
И за такое паденье
Всѣхъ и себя обвиню..
Чуждыхъ за зло и гоненье
И за бездушье родню....

Что имъ! они не безъ пищи,
Сыты, довольны собой;
Я-же презрительный нищій,
Злобной гонимый судьбой!....

1861 г. Сингилей.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ,
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворенный,
Къ нему не заростетъ народная тропа!
А. Пушкинъ.

Сердца отраднымъ чувствомъ бьются,
Взошла желанная заря...
Молитвы жаркія несутся
За Благодѣтеля Царя!
Могучей силой дышатъ груди...
Благоговѣя и любя,
Не Русь одна, весь міръ, всѣ люди
Благословляютъ, Царь, Тебя!
Хвала Творцу, хвала и вѣку,
Хвала Монарху-Человѣку,
Освободителю Царю
За то, что сбросилъ рабства тягость
И розлилъ миръ, покой и радость,
И просвѣщенія зарю!

Успѣхи, опытъ, просвѣщенье,
Благой нашъ, дѣятельный вѣкъ,
Любовь людей и ихъ стремленья
И самъ Ты, Царь и Человѣкъ,—
Въ основѣ дѣла положили
Начала дивныя добра
И въ насъ надежду утвердили,
Что скоро будетъ та пора,
Когда окрѣпнетъ Русь святая
Въ гражданскихъ силахъ, совершая

Спокойно путь правдивый свой;
Ея примѣрна будетъ слава,
Какъ совершенная Держава,
Перерожденная Тобой!..

Кого забылъ Ты и оставилъ?
Едва на тронъ державный сѣлъ,
Какъ царство Ты уже прославилъ
Числомъ благихъ и славныхъ дѣлъ!
Ты далъ и милость и свободу,
Оковы съ мыслимости снялъ
И угнетенному народу
Дорогу къ счастью указалъ!
Любовью къ благу, силой чувства
Открылъ дорогу Ты искуству,
Таланту, правдѣ и уму
И всякій трудъ почтилъ смиренный...
Хвала и слава по Вселенной
Уму и сердцу Твоему!...

Въ исторьи дѣлъ, до нынѣ славныхъ,
Дѣлами Ты теперь великъ,
Изъ лицъ прекрасныхъ и державныхъ
Всѣхъ ярче Царственный Твой ликъ!
Боготворяемый сердцами,
Въ любви Отечества къ судьбѣ,
Воздвигъ безсмертными дѣлами
Ты вѣчный памятникъ себѣ!
Пройдутъ вѣка... но будутъ люди
Тебя хранить, какъ святость, въ груди,
И будешь Ты изъ вѣка въ вѣкъ
Переноситься благородно
Въ устахъ и въ памяти народной
Какъ Геній, Царь, и Человѣкъ!...

1861 г. Сингилей.

ЛОЖНО-СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ.

Прошелъ вѣкъ жизни идеальный,
И превозноситъ человѣкъ
Вѣкъ прозаическій, реальный,
Себялюбивый этотъ вѣкъ.
Гордимся даромъ мы прозрѣнья,
Снявъ съ жизни розовый покровъ.,
И для порока обличенья
Мы не жалѣемъ ѣдкихъ словъ.
Судя, какъ будто, безпристрастно
О томъ, что злое въ людахъ есть,
Мы проповѣдуемъ всѣмъ гласно
Любовь и истину, и честь.
Вездѣ слова и судъ, и клики,
И ежели послушать насъ,
То мы, пожалуй, и велики,
По мѣрѣ высказанныхъ фразъ.
Но если взвѣсить насъ на дѣлѣ
Съ душею нашей и съ умомъ,
Какъ далеки мы этой цѣли,
Къ которой всѣхъ идти зовемъ!
Въ насъ нѣту истинны и чувства
И далеки мы отъ добра,
Однѣ слова, одно искуство
И въ сердцѣ грубая кора.
Мы и не любимъ и не вѣримъ
Изъ выгодъ личныхъ лишь своихъ
Мы пошло, низко лицемѣримъ,
Чтобы обманывать другихъ.
Корыстны, слабы по натурѣ,
Скрывая дѣйствія свои,
Какъ волки мы, въ овечьей шкурѣ,
Кричимъ о правдѣ и любви,
Чтобы словами красоваться,
Чтобы себѣ не повредить,
Чтобъ прогрессистами казаться
И за отсталыхъ не прослыть....
А зло межъ тѣмъ растетъ и зрѣетъ,
И торжествуетъ гордо бѣсъ,

Что зло вполнѣ еще имѣетъ
Надъ добрымъ дѣломъ перевѣсъ....
И неизвѣство, скоро-ль свѣту
Мы Божьей правды ходъ дадимъ,
Когда всѣ сбросимъ маску эту
И слово къ дѣлу примѣнимъ!.......

1861. г. г. Сингилей.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

„Во имя гласности, науки, и прогресса,
Стремленія къ добру и правды, и заботъ,
Прощается тебѣ кутила и повѣса,
Любитель праздности, тщеславія, и мотъ...
И вамъ постыдныя, униженныя лица:
Судья неправедный, безжалостный скупецъ,
Чиновникъ-взяточникъ и жалкая блудница,
Помѣщикъ деспотъ и презрѣнный льстецъ!...
Мы все прощаемъ вамъ, во имя правды вѣка,
Забудьте зло, порокъ, давайте честно жить,
Почтить хотимъ мы въ васъ, упадшихъ, человѣка,
И крѣпко, свято васъ, какъ братьевъ, возлюбить!...„

Такъ люди говорятъ и пишутъ въ наше время,
Стараясь всѣхъ будить отъ сна, нелѣпыхъ грезъ....
Волнуется, шумитъ гуманно наше племя
И силится рѣшить не первый ужъ вопросъ.
Но грустно слушать всѣ тѣ нравственныя фразы,
Которыми блеститъ надменно новый свѣтъ
И слушать о любви и истинѣ расказы,
Которыхъ въ сущности у насъ почти что нѣтъ!...
Такъ даже и теперь въ Отчизнѣ нашей милой
Не рѣдко слышимъ мы со всѣхъ почти сторонъ:
Все то же зло и духъ жестокій и остылый,
Обиды, жалобы, страданія и стонъ!....
Вотъ гибнетъ тамъ талантъ и умъ въ нуждѣ ужасной—
Мы видимъ, знаемъ все и не хотимъ помочь:
Пришелъ просить васъ братъ упадшій и несчастный
Возвать его къ добру—его мы гонимъ прочь!...

Является богачь, обиженный богатымъ,
И требуетъ у насъ защиты иногда,
Но тотъ свою вину тотчасъ загладитъ златомъ—
И дѣло обошлось безъ правды и суда!
Вотъ просьбы бѣдныхъ вдовъ: иль средства, иль защиты,
Вотъ жалкія мольбы оставленныхъ сиротъ:
У насъ пороги, полъ слезами ихъ облиты,
Но мы—безжалостны... мы холодны, какъ ледъ!
Съ проклятьемъ на устахъ и съ видомъ отвращенья,
Неправедны и злы, рабы своихъ страстей,
Безумно, бѣшено бросаемъ мы каменья
Въ блудницъ, забывшихся, въ порочныхъ всѣхъ людей!....
Ни чувствомъ отъ души, ни кроткимъ, теплымъ словомъ
Заблудшимъ братіямъ не хочемъ мы помочь
И тайно говоримъ въ безчувствіи суровомъ:
„Прочь всѣ порочные, испорченные прочь!...„
Напрасно намъ кричатъ, протягиваютъ руки,
О помощи моля и жизни и судьбѣ,
Мы холодно всегда встрѣчаемъ эти муки
И думаемъ всегда лишь только о себѣ!....
Любя самихъ себя, холодные тираны,
Мы не врачуемъ духъ упадшаго—о, нѣтъ!
Мы только лишь всегда растравливаемъ раны,—
Плодъ горькій опыта, страданія и лѣтъ!
Ко благу общему постыдно—равнодушны
Мы любимъ лишь хранить свой личный интересъ....
На фразахъ мы теперь добры, великодушны,
Мы чувство будимъ всѣ, науку и прогрессъ!.....

Вотъ время славное, о чемъ теперь мы пишемъ,
Вотъ имя гласности, открыто говоримъ,
А горя ближняго не видимъ и не слышимъ
И къ дѣлу приступить для блага не хотимъ!...
Но время то придетъ... проснется совѣсть грозно
И въ насъ заговоритъ раскаянье стыда....
Очнемся мы отъ зла когда—нибудь, но поздно
Въ день Страшнаго для всѣхъ Всемірнаго Суда!....

1861 г. г. Сингилей.

ВИКТОРУ ИПАТЬЕВИЧУ АСКОЧЕНСКОМУ (*)

(Письмо отсталаго):

Я, как отверженный всѣми журналами,
Гдѣ так ругаются эти причудники,
Нынѣ прошусь, разойдясь съ либералами,
Викторъ Ипатьевичъ въ ваши сотрудники.

Все въ этомъ вѣкѣ, умами рѣшенное,
Будемъ корать мы своей непріязнею:
Гласность, прогрессъ мы и все современное
Станемъ преслѣдовать лютою казнію.

Будемъ браниться со всѣми журналами
Фразами самыми пошлыми, рьяными;
Если-жъ они назовутъ насъ отсталыми...—
Что за бѣда! пусть зовутъ, хоть болванами!...

Рѣчь наша будетъ простая, суровая,
Полная страсти къ невѣжеству пошлому...
И поворотимъ все время мы новое
Снова къ отрадному нашему прошлому....

Если жъ случится, что наши творенія
Вдругъ пошатнутся въ своемъ основаніи
И насъ запрутъ въ домъ ума поврежденія—
Все веселѣе вамъ будетъ въ компаніи.

1861. г. г. Сигнглей.

ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Межъ тѣмъ, какъ мы идемъ путями зла, разврата,
Межъ тѣмъ, какъ совѣсть въ насъ молчитъ и не чиста
И злобно возстаемъ съ враждой мы братъ на брата,
Забывъ ученіе Спасителя, Христа,—

(*) Издателю Журнала: „Домашней Бесѣды.„

Вотъ Онъ, распятый нашъ, въ безчестіи, въ позорѣ,
Въ вѣнцѣ изъ тернія, весь кровію облитъ
Съ прощеньемъ на устахъ и съ грустію во взорѣ,
Какъ будто бы живой, какъ будто говоритъ:

„Я къ вамъ пришелъ въ холодный міръ,
Гдѣ грѣхъ владыко и кумиръ,
Возвать къ добру васъ отъ пор ка,
Чтобъ васъ, упадшихъ, научить,
Какъ въ правдѣ, въ мирѣ, свято жить,
Любить и вѣровать глубоко!....
Я осчастливить вашъ хотѣлъ
Земной и будущій удѣлъ,
Чтобъ жили дружно вы, какъ братья....
Для васъ отъ васъ же перенесъ,
На землю посланный, Христосъ
Гоненья, муки и проклятья!.....
Хотѣлъ Я къ благу васъ вести,
Пришелъ за тѣмъ, чтобъ васъ спасти
Отъ вѣчной гибели и муки;—
Вы не повѣрили Христу—
И пригвоздили ко кресту
Меня позорно ваши руки!
За безконечную любовь
Я пролилъ праведную кровь
И пострадалъ безчеловѣчно;
И, претерпѣвши до конца.
Прославилъ Господа Творца,
Какъ было нужно правдѣ вѣчной.
Я проложилъ вамъ путь къ добру,
Очистилъ вредную кору,
Начало жизни далъ прекрасной;
Но зломъ, неправдою опять
Вы продолжаете терзать
И распинать Меня всечасно!.,...,,

Предъ образомъ Твоимъ, скрестивъ смиренно руки,
Съ разбитою душой безмолвно я стою
И все ничтожество моей душевной муки
Предъ скорбію Твоей святою признаю!....
Что значитъ вся печаль, всѣ скорби и мученья,
Весь этотъ стонъ души, разбитой отъ скорбей,

Предъ жертвою Твоей великой искупленья,
Предъ грустію святой, божественной Твоей?.......
Могу-ли я роптать на всѣ удары рока,
На этотъ тяжкій крестъ ниспосланный Тобой,
Когда такъ жадно пилъ изъ чаши я порока
И душу растлѣвалъ мятежной суетой?....
Когда въ избыткѣ чувствъ, въ волненьяхъ жизни шумной
Ни силъ, ни чувствъ души—Твой даръ-я не щадилъ
И ядъ грѣховъ, страстей я съ жадностью безумной,
Въ забвеніи всего, какъ нектаръ, сердцемъ пилъ?......
Я крестъ тотъ заслужилъ и это наказанье
Есть мудрая Твоя, таинственная цѣль:
Всѣ скорби на землѣ, всѣ муки и страданья—
Есть очищенія великая купель!
Изъ ней выходитъ духъ очищенный, свободный
Отъ зла, отъ всѣхъ страстей, пороковъ и грѣховъ
И лучше познаетъ Того, кто безъисходной
Любовію Своей всегда простить готовъ!.........
О, нѣтъ, Спаситель мой! хоть трудно жизни море
И даль грядущаго незрима будетъ пусть—
Безъ ропота снесу свой крестъ, свое я горе,
Воспомнивъ лишь Твои страданія и грусть!
Пускай ведетъ Твое стремленіе благое!....
На Промыслъ мудрый Твой не въ правѣ мы роптать...
И всякая печаль, страданіе земное
Должны передъ Тобой, Спаситель, замолчать!.....

Г. Сингилей. 1861 г.

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНІЕ.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской....
А. Пушкинъ,

Теперь въ года заботъ и зрѣлости холодной,
Когда восходитъ свѣтъ, преслѣдуется тьма.
Какъ горько я грущу о юности безплодной,
Погибшей въ праздности, въ бездѣйствіи ума!
Теперь въ своемъ судѣ и анализѣ строгомъ

Ужъ поздно познаю, что я напрасно жилъ
И этотъ свой талантъ, дарованный мнѣ Богомъ,
Я безсознательно и глупо такъ зарылъ!...
И долженъ я страдать, скрывая въ сердцѣ муки,
Сознавъ ничтожество, безсиліе свое,
Затѣмъ, что самъ бѣжалъ отъ свѣта я науки
И самъ я погубилъ все счастіе мое!....
Восторженный во всемъ и пылкій отъ природы,
Въ то время, когда мой воспитывался умъ,
Я жаждалъ лишь страстей, разгула и свободы...
И вотъ меня увлекъ разгульной жизни шумъ.
И каюсь я теперь, когда все стало ясно...
И, кажется, съ тѣхъ поръ немного лѣтъ прошло,
Но много свѣжихъ силъ истрачено напрасно
И много свѣжихъ чувствъ на мелочи ушло!...
Заглохъ послѣдній даръ, безумственно зарытый,
На памяти, въ душѣ лежитъ тяжелый гнетъ,
И жалкій, бѣдный умъ, наукой неразвитый,
Въ какой-то тьмѣ пустой, въ апатіи живетъ!
Въ сознаньи своего ничтожества, безсилья,
Безплодно я живу, страдая и томясь;
Но все таки порой, собравши всѣ усилья,
Пытаюся стряхнуть кору съ себя и грязь,
Стремлюся разогнать всю эту тьму незнанья,
Наукой бѣдный умъ и сердце просвѣтить,
Чтобъ, въ славный этотъ вѣкъ прогресса и познанья,
Свидѣтелемъ пустымъ и празднымъ мнѣ не быть!....
Но поздно, можетъ быть, хоть сердце жадно хочетъ:
Погибло все во мнѣ безплодно и въ глуши,
И темный, праздный умъ озлобленно хохочетъ
Безсильнымъ и благимъ стремленіямъ души!.....

Г. Сингилей. 1861 г.

* • * • *

Отдайте время свѣжей силы—
Отдайте юные года:

Кричу о благодатной цѣли
Кажусь на-видъ правдивъ и строгъ;
Но чтобъ я вправду былъ передній—
Избави Богъ! избави Богъ!

Г. Сингилей. 1861 г.

* • * • *

Какъ достоинъ сожалѣнія
Тотъ, кто свѣтомъ ссужденъ,
Кто печатью отверженія
Съ колыбели заклейменъ,
Въ комъ безвременно развилися
Умъ и сердце для страстей,
Чьи надежды всѣ разбилися
О безчувственность людей,
Кто утратилъ вѣру чистую
Въ постороннихъ и въ себя
И всю жизнь свою тернистую
Несъ съ укоромъ, не любя!...
Тотъ достоинъ состраданья,
Кто напрасно въ мірѣ жилъ:
Надлежащаго призванія
На землѣ не совершилъ,
Кто дары Творца прекрасныя
Безвозвратно потерялъ,
Чьи стремленья всѣ напрасныя,
Чей разбитъ былъ идеалъ!....
Онъ достоинъ еще болѣе
Состраданья потому,
Что не самъ своею волею
Впалъ порочной жизни въ тьму.
Вдругъ, столкнувшись съ жизнью черною,
Безъ свершенія надеждъ,
Осужденъ молвой позорною
Отъ безчувственныхъ невѣждъ.
Неудачи и лишенія,
Всѣ удары нищеты,

Довели и до паденія,
До постыдной черноты!....
И какъ скоро разбивается
Все, чѣмъ жизнь ему мила,
Человѣкъ тогда бросается
Въ море бѣдствія и зла!
Онъ теряетъ цѣль завидную,
Безъ надежды и труда,
И на жизнь свою постыдную
Смотритъ холодно тогда.
Лишь предъ раннею могилою
Вмигъ сознанье обойметъ
И на время съ прежней силою
Въ сердцѣ чувство оживетъ....
Вся разсѣется апатія,
Жизнь представится его,
И холодное проклятіе
Будетъ жизни отъ него!.....

Г. Сингилей. 1861 г.

НАШЕ ПРИЗВАНІЕ.

Мы призваны сюда за тѣмъ, чтобы трудиться
И душу укрѣплять трудомъ, и мирно жить,
Мы призваны за тѣмъ, чтобъ пламенно молиться,
Молитвами за жизнь Творца благодарить.

Мы призваны за тѣмъ, чтобы часы досуга
Заботамъ о добрѣ и благѣ посвящать,
Мы призваны за тѣмъ, чтобы любить другъ друга,
Терпѣть, надѣяться и вѣрить, и прощать.

Мы призваны за тѣмъ, чтобъ жизнью наслаждаться,
Въ природѣ познавать величіе Творца
И душу соблюсти для Господа стараться
И правдѣ слѣдовать съ начала до конца.

Но въ праздности души и лѣности, и скукѣ
Неправдой, злобою, страстями и враждой

Мы сами создаемъ себѣ для жизни муки
И адомъ дѣлаемъ нашъ здѣшній путь земной!...

И часто ропщемъ мы въ невѣдѣньи на Бога
За то, что наша жизнь отмѣчена крестомъ;
А если обсудить и вникнуть въ это строго,—
Мы сами здѣсь свои страданья создаемъ!.....

Г. Сингилей. 1861. г.

* • * • *

Не спрашивай меня о жизни, назначеньи,
О чувствахъ и страстяхъ, о дѣйстіяхъ судьбы:
Вся жизнь моя-есть цѣль холоднаго сомнѣнья,
Рядъ горкій неудачь, страданій и борьбы.
Въ года моихъ надеждъ и пылкаго стремленья
Я пламенно любилъ и вѣровалъ всѣму,
Но опытъ всѣ разбилъ святыя убѣжденья,
И нынѣ я живу, не вѣря ничему.
Хотя я и теперь люблю и увлекаюсь
И этотъ даръ въ душѣ ревниво берегу,
Но все таки во всемъ невольно сомнѣваюсь,
А вѣровать вполнѣ и слѣпо—не могу!
И такъ я не хочу безвѣріемъ холоднымъ
Твой вѣрованій міръ разрушить и разбить
И помысламъ твоимъ и чувствамъ благороднымъ,
Отравленную, жизнь, сомнѣніемъ, открыть.
Живи, люби и вѣрь! Сомнѣнія безъ мѣры
Измучили меня и сердце мнѣ сожгли....
Дай Богъ, чтобы твоихъ и помысловъ и вѣры
Ни опытъ, ни судьба разрушить не могли!...

Г. Сингилей. 1861 г.

РАЗГОВОРЪ ПОЭТА-ФИЛОСОФА СЪ СВЯЩЕННИКОМЪ.

(Фантазія въ стихахъ):

О, Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ божества,
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждитъ, сохраняетъ,—
Кого мы называемъ,—Богъ!.....

Державинъ.

Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
А крестъ нашъ—Бога намъ даетъ!

Козловъ.

Священникъ.

Скажи зачѣмъ, когда другіе
Въ часы моленія святыя
Стоятъ съ сіяющимъ челомъ,—
Одинъ въ углу, какъ отчужденный,
Стоишь ты мрачный, раздраженный,
И ужасъ на лицѣ твоемъ?
Ужель ты знаешь жизни холодъ?
Ужель ты знаешь горечь думъ?—
Мнѣ жаль тебя: ты очень молодъ,
Но такъ печаленъ и угрюмъ!
Повѣдай мнѣ свои печали,
Открой мнѣ душу.....

Поэтъ.

Но къ чему,
Чтобъ люди грусть мою узнали?—
Мнѣ тяжело и одному!
Моей души тоска быть можетъ,
Святой Отецъ, тебя встревожитъ

И разувѣритъ въ чемъ-нибудь...
Въ мою растерзанную грудь
Ты не прольешь святой отрады,
Изъ ней не выжмешь ничего...
Оставь, оставь меня: не надо.
Мнѣ утѣшенья, твоего!

Священникъ.

Какъ знать! мои слова простыя
И убѣжденья, и совѣтъ,
И, полный истины, привѣтъ,
Быть можетъ, мысли всѣ дурныя
Разгонятъ въ сердцѣ, исцѣлятъ
Твою израненную душу...
Скажи, не бойся!...

Поэтъ.

Я не трушу
Тебѣ открыться, но наврядъ
Твой голосъ что-нибудь возбудитъ.
Вотъ видишь, я грущу о томъ,
Чего мой умъ не позабудетъ:
О правосудіи святомъ.
Коль хочешь знать, отецъ святой,
Мою судьбу, имѣй терпѣнье
Мои и мысли и сужденья
Смиренно выслушать. Судьбой
Дано мнѣ жизнь влачить угрюмо
И вѣкъ безъ радостей страдать,
И вотъ сомнительныя думы
Меня ужь начали смущать...
Я съ раннихъ лѣтъ узналъ несчастье,
И кромѣ горестей однѣхъ,
Да постояннаго ненастья
Еще не зналъ я дней иныхъ.
Я былъ рожденъ съ душой могучей,
Горячей, полной крѣпкихъ силъ!
На утрѣ жизни тернъ колючій
Въ меня иглы свои вонзилъ.
Но эту боль со всѣмъ лишеньемъ

Не только бодро и безъ слезъ,
Но даже гордо и съ презрѣньемъ
Въ своей душѣ я перенесъ!
Я не страшился злобной кары..
Но чаще сыпались удары
И съ каждымъ натискамъ отъ нихъ
Рвалися струны силъ моихъ
И истощалося терпѣнье.
Я не роптаъ на Провидѣнье,
Но взоры съ ужасомъ бросалъ,
Родной души себѣ искалъ
Больному сердцу утѣшенье,
И ничего не находилъ!
И наконецъ мою карьеру,
Мой цвѣтъ души-злой рокъ сгубилъ!
Я потерялъ святую вѣру,
Не уповалъ и не любилъ.
Вся сила духа истощилась...
И что же? Жизнь теперь моя
Какимъ-то саваномъ покрылась
Въ холодномъ мракѣ бытія!.....

Священникъ.

Но какъ утратилъ ты въ страданьи,
Подъ гнетомъ тяжкихъ этихъ бѣдъ,
Любовь, надежду, упованье
И вѣру-лучшій жизни свѣтъ?

Поэтъ.

Я прежде Богъ тому свидѣтель—
Когда кипѣла въ сердцѣ кровь,
Я вѣрилъ въ чувство, въ добродѣтель,
Въ святую дружбу и любовь!
Я вѣрилъ: есть на свѣтѣ люди
Съ душой высокою, съ умомъ,
Которыхъ полно дышатъ груди
Святыней чувства и добромъ.
Тогда какъ силы расцвѣтали,
Когда въ семьѣ своей я росъ,
Уже я зналъ тоску, печали

И горечь думъ и горечь слезъ...
Меня родные не любили...
Но шли года-и наступили
Для жизни лучшіе часы:
Во всемъ величіи красы
Я увидалъ одно созданье
И всей душою полюбилъ....
О, сколько жизни, сколько силъ
Принесъ я въ жертву непокорной!
Но полюбила непритворно
Она меня... и-о, отецъ!—
Какой измѣной гнусной, черной
Мнѣ заплатила наконецъ!....
А еслибъ зналъ ты, мой отецъ,
Когда-бъ ты зналъ, когда-бъ ты вѣдалъ,
Что только я, любя ее,
И перенесъ и перевѣдалъ!...
Все сердце вымучилъ свое!.......
Съ тоскою въ сердцѣ ядовитой
Я удалился, но ужь вновь
Не могъ любить душой разбитой...
Я проклялъ женщинъ и любовь,
Все ихъ коварство и искуство!....
И, чтобы отдыхъ сердцу дать,
Я сталъ искать другаго чувства:
Священной дружбы сталъ искать.
Нашелъ себѣ, казалось, друга...
И раны страшнаго недуга
Я этой дружбой залѣчилъ.
И знаетъ Богъ, какъ я любилъ!
Любилъ завѣщанной любовью,
Какъ должно ближняго любить:
Я былъ готовъ своею кровью
Его отъ горя искупить....
Мои отъ сердца были ласки...
Казалось, преданъ былъ мнѣ онъ...
Но я не могъ постигнуть маски,
Въ какую былъ онъ облеченъ!...
Я изливалъ предъ нимъ мученья,
Я съ нимъ дѣлилъ души недугъ—
Но что-жъ? За чувство, откровенье—

Меня-же предалъ этотъ другъ!
Онъ оправдалъ одно сказанье,
Что другъ до чернаго лишь дня:
Въ минуты тяжкія страданья
Онъ отвернулся отъ меня;
И безпощадной клеветою
Передъ насмѣшливой толпою
Меня безъ совѣсти клеймилъ.
Возстали люди безъ разбора—
И подъ ударомъ приговора
Покорно я главу склонилъ!
И не роцталъ.... и послѣ даже
Имѣлъ я множество друзей,
Но дружба ихъ была все таже,
Когда не ниже и чернѣй!........
Кому же руку могъ пожать я?. ..
Я къ людямъ простиралъ объятья,
Искалъ въ нихъ чувства—но нашелъ
Лишь бездну хитростей и золъ.
Я проклялъ все, когда увидѣлъ
Пучину эту бѣдъ и зла
И всѣхъ людей возненавидѣлъ,
И всѣ ихъ мысли и дѣла!
За то, что истину святую
Всега я грудью защищалъ,
А злобу, ложь, неправду злую
Людей предъ ними обнажалъ,
За то, что льстивыя ихъ ласки
Всегда открыто презиралъ,
Притворства хитростнаго маски,
Несправедливости гонитель,—
За то страдалъ я и терпѣлъ!....

Священникъ.

А самъ Всемирный нашъ Спаситель
Страдать за истину велѣлъ!....
Онъ Самъ, спасая насъ несчастныхъ.
Питая къ грѣшнымъ намъ любовь,
Въ скорбяхъ, въ страданіяхъ ужасныхъ
За міръ и правду пролилъ кровь.. .
Припомни это!..

Поэтъ.

Знаю, знаю,
Святой отецъ! и я страдалъ
И до сихъ поръ еще страдаю,
И все терпѣлъ и не роптал;.
Бывало, въ тяжкія мгновенья
Души, исполненой мученья,
Передъ иконою святой
Я упадалъ съ моей мольбой...
Лились изъ глазъ не слезы—лава,
Катился потъ съ меня кровавый...
И, наконецъ, такъ стало больно,
Такъ сталъ мнѣ крестъ тяжелъ, великъ,
Что ропотъ вырвался невольно
Съ души разбитой на языкъ!....
И кто мнѣ возвратитъ потерю,
Дастъ жизнь и сердцу и уму?...
Я правъ, когда теперь не вѣрю
Ужъ больше въ жизни ничему.
Гдѣ жь это счастье, эта радость?.....
Какой ужасный, грустный видъ!
Теперь ужъ жизнь моя мнѣ въ тягость,
Теперь она меня томитъ.....
И скоро, можетъ быть, настанетъ
Тотъ часъ, когда уже меня
На свѣтѣ болѣе не станетъ:
Однимъ ударомъ кончу я
Дни безконечные кручины....
Я человѣкъ-я слабъ. Бываетъ:
Иной всю жизнь свою страдаетъ
До самой смерти, но ему
Творецъ порою посылаетъ
Утѣху сердцу и уму...
А я отъ самой колыбели
Не вижу въ жизни свѣтлыхъ дней,
Не нахожу желанной цѣли
И вяну въ горѣ отъ скорбей!.....

Священникъ.

Когда-бъ лучь истинны священной
Къ тебѣ на дно души проникъ,
Роптать не смѣлъ бы твой языкъ
На промыселъ Творца Вселенной!
Тебѣ-ли слѣдовать, судить
Зачѣмъ страданій въ жизни много?
Тебѣ-ль въ страданіяхъ винить
Непостигаемаго Бога?
Ты говоришь, что ты имѣлъ
Дары Творца: къ добру стремленье
И силу воли и терпѣнье...
Ты, значитъ, долженъ свой удѣлъ
Сносить до смерти терпѣливо
И не роптать несправедливо;
Ты долженъ Божіе дары
Всѣ оправдать на самомъ дѣлѣ,
Сносить покорно всѣ кары,
Тогда бъ достигъ ты свѣтлой цѣли!....
А ты... гдѣ-жь эта твердость силъ,
Души великость, сила воли,
Что про себя ты говорилъ,
Когда ты струсилъ горькой доли?....
И сталъ роптать отъ всѣхъ скорбей,
Дрожать предъ зломъ, какъ малодушный
И ненавидѣть всѣхъ людей,
И проклинать ихъ, какъ бездушный!.....
Нѣтъ, ты не мужъ, а ты дитя,
Дитя душой: въ тебѣ нѣтъ силы;
Тебѣ хотѣлось бы шутя
Прожить безъ горя до могилы....
Ты ошибался, другъ, когда
Въ себѣ нашелъ всѣ совершенства.....
Тебѣ хотѣлось безъ труда
Достигнуть вѣчнаго блаженства!...
Когда тебѣ Онъ разумъ далъ,
Свободу, твердость, силу воли,
Чтобь ты собою управлялъ,
И если крестъ тебѣ послалъ
Отъ раннихъ лѣтъ, не для того ли,

Чтобъ ты Его не забывалъ,
Чтобъ испытать твое терпѣнье,
Покорность тихую Ему,
Чтобы чрезъ долгія мученья
Тебя къ жилищу своему
Пріуготовить, гдѣ страданья
Совсѣмъ не знаются съ душой,
Гдѣ нѣтъ ни плача, ни рыданья
Гдѣ вѣчно радость и покой!
А ты, такъ претерпѣвши много,
Ужъ колебаешся! ....

Поэтъ.

Не въ мочь
Ужъ сталъ мнѣ крестъ тяжелый Бога,
И нѣтъ надежды, чемъ помочь!....

Священникъ.

Молись!

Поэтъ.

Я радъ, да силы нѣтъ. Желанье
Хотя и есть, чтобы лились
Предъ Богомъ слезы покаянья,
Да нѣту слезъ.—Что-жь пользы въ этомъ,
Что стану я, какъ истуканъ,
Съ холоднымъ сердцемъ, полнымъ ранъ,
Съ холоднымъ сердцемъ, не согрѣтымъ
Святыми чувствами, предъ Нимъ,
Предъ Богомъ и Творцомъ моимъ?
Молить безъ слезъ, молить безъ чувства?—
Тутъ развѣ надобно искуство?
Но неужель съ пустой душой
Искуствомъ Господа обманешь
Когда молить безъ чувства станешь,
Ты знаешь самъ, отецъ святой?...

Священникъ.

Ты страненъ другъ; твои слова
Совсѣмъ не истина святая:

Твоя въ бреду душа больная,
Полна безумьемъ голова!
То вопль души одинъ предъ Нимъ
И вопль, исторгнутый страданьемъ,
И не согласный, другъ, съ твоимъ
Ни съ назначеньемъ, ни съ призваньемъ!
Зачѣмъ ты призванъ былъ сюда?
Затѣмъ, чтобъ голосомъ пророка,
Не убоясь людей вреда,
Ихъ отвлекать отъ зла, порока,
Имъ жизнь иную возвѣстить
Своею рѣчью, жизни дѣломъ,
Страдать, терпѣть ихъ научить
И управлять душой и тѣломъ!
Гдѣ жь этотъ твой священный жаръ
И это рвенье и старанье?
Ты оправдалъ-ли Божій даръ?
Исполнилъ-ли свое призванье?
И что за жертва въ мірѣ ты?
Что за страдалецъ и избранникъ?
Одинъ съ небесной высоты
Сюда лишь призванъ былъ Посланникъ
Страдать, терпѣть и умереть
Всеобщей жертвой искупленья...
И Тотъ училъ насъ, какъ терпѣть,
Сносить и зло и ухищренье!
И Тотъ, имѣя міръ враговъ,
Не каменѣлъ, не жесточился,
Питалъ къ нимъ теплую любовь
И до конца за нихъ молился!...

Но предположимъ, наконецъ,
Пусть будетъ такъ: по тайной волѣ
Тебя призвалъ сюда Творецъ
Для вѣчныхъ мукъ, для вѣчной боли,—
Ты это можешь ли понять,
Что здѣсь погибнувъ безъ отрады,
Ты долженъ тамъ ужь воспріять
Себѣ вѣнецъ святой награды!...
Быть можетъ, на твоемъ челѣ
Творецъ съ рожденья отмѣтилъ,

Чтобъ здѣсь ты горемъ на землѣ
Страницы жизни перемѣтилъ!....
И гибни, если суждено—
На то его святая воля!.....

(Крестится).

Творецъ небесный, не оставь
И не введи во искушенье
И отъ лукаваго избавь! ...
Смилуйся въ гнѣвѣ правосудномъ
Надъ блуднымъ сыномъ безразсуднымъ,
Не порази ва ропотъ злой
Безъ покаянья предъ Тобой!.

Погрязшій въ омутѣ порока!
Взгляни, взгляни во внутрь себя:
И ты увидишь, какъ глубоко
Грѣхи опутали тебя!.... .
Ужели же Господь не знаетъ,
Кому свой крестъ святой даетъ?—
Кто только въ силахъ, кто снесетъ—
Тому его Онъ посылаетъ!
Когда бъ побольше ты имѣлъ
Религіозныхъ убѣжденій,
Ты-бъ не ропталь, а все ропталь,
И демонъ мрачныхъ искушеній
Тебя коснуться бы не смѣлъ!....
Ты говоришь, что нѣту силъ,
Что крестъ тяжелъ тебѣ, не въ мѣру...
Когда бъ ты въ сердцѣ сохранилъ
Отрадный лучь-святую вѣру,
Творецъ тебя-бы подкрѣпилъ,
Послалъ бы сердцу утѣшенье,
И тамъ бы послѣ наградилъ
Тебя за скорби и мученья!...
Опять же, избраннымъ своимъ
Кресты Создатель посылаетъ:
Тотъ въ жизни горестной страдаетъ,
Кто избранъ Имъ, кто Имъ любимъ!....
А ты осмѣлился роптать

На Провидѣніе святое!...
Тебѣ-ль ничтожному понять
Его стремленіе благое!
Когда Спаситель нашъ, Христосъ,
Самъ Богъ, принявши плоть людскую.
За грѣшныхъ насъ всѣ муки несъ
И пролилъ кровь свою святую,
А ты не хочешь за Него,
Въ грѣховной, кроткой этой жизни,
Нести крестъ посланный Его,
И шлешь роптанье, укоризны!....
Безумецъ ты! остановись
И укроти свой ропотъ грѣшный!
Пади къ Нему: молись! молись!
Онъ милосердъ: Онъ тьмы кромѣшной
Тебя избавитъ, осѣнитъ
Своею благостью святою,
Да съ чистой, свѣтлою душою
Предстанешь тамъ, гдѣ все молчитъ,
Но гдѣ, какъ буря, грозно грянетъ,
Когда судить Онъ насъ предстанетъ!. ..

О, пусть лучь истины святой
Проникнетъ въ грудь твою глубоко!....
Безуменъ, грѣшенъ ропотъ твой,
Ты утонулъ во тьмѣ порока!
Не проклинай людей и свѣтъ,
Не забывай Творца и Бога.....
Пусть мой спасительный совѣтъ,
Пусть мой укоръ—сурово, строго,
Сквозь этихъ мрачныхъ, черныхъ тучъ
Блеснутъ тебѣ, какъ свѣтлый лучь
И озарятъ всю душу ясно,
Чтобъ ты увидѣлъ, какъ несчастна
И какъ жалка она была,
Когда, утративъ все земное,
Забыла чудное, святое,
И все роптала въ безднѣ зла!....
Дай Богъ, чтобъ пищею духовной
Свою ты скорьбь уврачевалъ,
Чтобъ смылся этотъ смрадъ грѣховный,

Которымъ ты теперь дышалъ.
Пускай родятся снова силы,
Чтобы ты могъ къ дверямъ могилы
Нести свой крестъ. Пускай кругомъ
Тебя гремитъ житейскій громъ,
Пускай бушуютъ непогоды,
Пускай крутится ураганъ,—
Не бойся жизненной невзгоды:
Тебѣ отъ Бога крестъ тотъ данъ!
Онъ милосердъ-Отецъ небесный!
И крестъ Его святой, чудесный
Съ восторгомъ, съ радостью неси,
И больше ропотнаго слова
За крестъ святой, вѣнецъ терновый,—
Страшися—не произноси!....
Къ Нему душою вознесися,
Не пошатнись, не содрогнися
Подъ этой тяжестью креста;
Страдай съ нимъ въ жизни неизмѣнно,
И принеси Его смиренно
Къ стопамъ Спасителя-Христа!...
И тамъ... далеко, въ жизни новой,
Гдѣ нѣтъ страданій и тревогъ,
Онъ сниметъ самъ вѣнецъ терновый
Съ тебя Творецъ-Великій Богъ!...,

Г. Орелъ. 1859 г.

ДВА ПИСЬМА КЪ НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА
N пѣхотной дивизіи, NN армейскаго Корпуса.
В. Х. Ф.-В.-Ъ.

Письмо первое.

Я полагаю, на мгновенье
У васъ достанетъ силъ, терпѣнья
Прочесть, излитую въ тиши
Прямую исповѣдь души
Безъ злобы сердца, но спокойно...

Плоха-ль она или достойна
Вниманья, может быть суда,—
Мнѣ все равно! Моя звѣзда
Затмилась въ облакѣ страданья
Отъ тяжкой жизни, невниманья,
Несправедливости людей,
И отъ другихъ еще скорбей!....

Я думалъ юность мнѣ сулила
Покой, удачи впереди....
Тогда была въ моей груди
Надежда свѣтлая и сила,
И я въ забвеньи уповалъ...
И путь мнѣ розами сіялъ...
Но я ошибся: въ жизни новой
Со страхомъ, вдругъ, увидѣлъ я,
Что путь мой былъ вездѣ терновый
Въ холодномъ мракѣ бытія!...
И замерла душа моя
Въ тяжеломъ горѣ испытанья!....
И я гляжу безъ содроганья,
Но ужъ съ разбитою душой
На крестъ тяжелый въ жизни свой.
Просить, чтобъ сжалилися люди,
Молить, закрывъ покровомъ честь,
И разжигать въ ихъ хладной груди
Пылъ самолюбія чрезъ лесть,—
Но я на это не способенъ
И не могу: я не подобенъ
Тѣмъ унизительнымъ льстецамъ,
Какіе льстятъ и тутъ и тамъ.
А сожалѣнья мнѣ не надо...
Когда-жъ теперь я не молчу,
То я за трудъ прошу награды
И справедливости хочу!
Просилъ вниманьемъ не оставить
Мой трудъ и службу, и дѣла,
Но не могли меня представить:
Болѣзнь надѣлала мнѣ зла.
Болѣзнь моя была причина,
Что я не могъ добиться чина,

Лишился счастья, можетъ быть,
Но что же будешь говорить?
Кричать и требовать съ нахальствомъ?
Создать въ себѣ себѣ врага:
Нашъ голосъ слабъ передъ начальствомъ,
А дисциплина такъ строга!...
Неумолимые законы
Ни сердца жалобы, ни стоны
Въ такихъ поступкахъ не щадятъ,
А все караютъ и разятъ.
Гдѣ-жь справедливость въ людяхъ дышетъ?
Гдѣ чувство можно отыскать?
Начальство ближнее не слышетъ,
Не хочетъ въ сущности понять
Тяжелой жизни этой бремя:
Страдай себѣ, хоть цѣлый вѣкъ!
А между тѣмъ проходитъ время—
И угасаетъ человѣкъ!.....

Да какъ не гаснуть въ этой жизни?
Какъ прослужить безъ укоризны?
Иной съ порядочнымъ умомъ
И съ недурнымъ образованьемъ,
Еще, быть можетъ, и съ призваньемъ,
Съ душой, исполненной добромъ,
Вдругъ брошенъ былъ въ такую сферу
Необразованныхъ людей,
Гдѣ можно потерять скорѣй
Во все, во все святую вѣру,
И терпитъ онъ ото всего,
Что окружаетъ лишь его!...
Ему закрыты свѣта двери,
Онъ презираемъ безъ причинъ
И смотрятъ люди, будто звѣри
Все потому, что нижній чинъ....
Не смѣетъ онъ вступаться въ споры,
Не смѣетъ мыслить, разсуждать,
Сносить онъ долженъ смѣхъ, укоры
И все буквально исполнять,
Что лишь начальникамъ угодно...
А много есть.. не благородно,

Царемъ дарованную, власть
Во зло употребляютъ. Страсть,
Любовь къ добру, сознанье чести
И умъ и чувства эти вмѣстѣ
Предъ этой властiю иныхъ
Должны молчать по волѣ ихъ!.....
А развѣ—Царь на то далъ волю
Иль власть, чтобъ чувства, умъ стѣснять
Изъ безъ того плохую долю
Тяжелой цѣпью облекать?
А развѣ Царь велѣлъ укоромъ
Несправедливости разить
Или гоненьемъ и позоромъ
На службѣ Юнкера клеймить?

Я не о всѣхъ сужу такъ вольно:
Не всѣ-жъ безъ сердца, безъ толку...
Я только вспомнилъ здѣсь невольно,
Что я лишь вытерпѣлъ въ полку....
Объ этомъ лишь позорномъ дѣлѣ,
Объ этихъ людяхъ говорю...
И я добьюсь желанной цѣли:
И разскажу о томъ Царю!
Пускай самъ Царь о томъ узнаетъ,
Что терпитъ Юнкеръ, какъ страдаетъ,
И какъ поносятъ и клеймятъ,
Въ замѣнъ заслуженныхъ наградъ!....

И долго, долго, съ сердцемъ сжатымъ,
Такъ Юнкеръ на равнѣ съ солдатомъ
Всѣ службы трудности несетъ,
И развѣ надъ его закатомъ
Улыбка счастія блеснетъ!.....

Дошелъ до смертнаго порога,
Отживъ умомъ, душой, въ тотъ часъ
Къ чему жъ и счастіе для насъ,
Когда осталось жить немного?...
Отдавъ земному дань, для Бога
Тогда остатокъ нашихъ дней
Должны мы посвятить скорѣй...
Чтобъ съ жизни, что была пріятна,

Какою упивались мы,
Блуждая по дорогамъ тьмы,
Смыть всѣ губительныя пятна,
И съ чистой, свѣтлою душой
Предстать на судъ намъ неземной!...

Но лучше обращусь къ земному,
Покамѣсть я еще не старъ
И не остылъ во мнѣ весь жаръ
Къ всему прекрасному, святому,
И буду снова говорить,
Какъ сердце бѣдное болитъ!....

Я прослужилъ три лишнихъ трети,
Былъ въ Севастополѣ, страдалъ,
И что жъ за всѣ страданья эти
Я получилъ и что я взялъ?—
Я безъ вниманія оставленъ,
Забытъ, обиженъ, не представленъ
За то, что болѣнъ... а другихъ....
Вы ихъ представили къ чинамъ.
Да, это такъ! они трудились
И не жалѣли ногъ и рукъ,
Въ командѣ были и учились:
Экзаменъ сдали изъ наукъ...
Одинъ сказалъ: въ такой Державѣ
Течетъ такая-то рѣка,
Былъ царь такой, въ такой-то славѣ
И такъ держава велика...
Потомъ другой полуученый
Кой-какъ по русски настрочилъ,
Изъ ариѳметики мудреной
Задачу о дробяхъ рѣшилъ,
Отвѣтилъ что-то изъ устава,
Ногами дѣлалъ въ лѣво, въ право,
Ружьемъ преловко отхваталъ—
И въ офицеры, вдругъ, попалъ!...

Положимъ, что не въ самомъ дѣлѣ
Прекрасное, святое есть
И человѣка умъ и честь,
А въ исполненьи долга, цѣли,

Которымъ посвятили мы
Свои и души и умы.

Я не хвалюсь, что много знаю,
Не говорю, что я ученъ,
Но ясно вещи понимаю,
Какими въ жизни окруженъ:
Не въ розовомъ ихъ вижу цвѣтѣ,
Какими въ маскѣ кажутъ намъ,
А такъ, какъ понялъ ихъ я самъ,
Какъ только есть они на свѣтѣ.
А не доступно что для глазъ—
На то разсудокъ есть у насъ.....

Вотъ это-то и грустно, больно,
Что изъ подъ маски видимъ мы,
Какъ выдаются намъ невольно
Людскія души и умы!.......
Ужли жъ, скажите, въ томъ я воленъ,
Что такъ давно и много болѣнъ,
Что я экзаменъ не держалъ?
И что за цѣль, что за упорство?
Къ чему жъ служило-бъ мнѣ притворство,
Когда бъ нарочно я хворалъ?
Ужели жь мнѣ пріятнѣй было
Въ больницѣ тягостной лежать,
Чѣмъ участи своей унылой
О перемѣнѣ хлопотать?
Вѣдь Севастопольскія муки
И столько службы и труда,
Кого не изведутъ со скуки,
Чьи не состарѣютъ года!....
Опять же, вспомните, въ больницѣ
Лежалъ тогда не я одинъ:
Тамъ были и другія лица,
Экзаменъ тоже тѣ на чинъ
Такъ какъ и я, вѣдь, не держали.

Держать экзаменъ я согласенъ,
Пусть будетъ онъ и строгъ и лихъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ былъ онъ безпристрастенъ,
Какъ для меня, такъ для другихъ.

Опять-же знайте—между нами
Я только есть теперь одинъ,
Кто службой, жертвами своими
Имѣетъ больше правъ на чинъ?...
Я старый, кажется, служивый;
Имъ не знакомъ военный пылъ,
Я-жъ, по оцѣнкѣ справедливой,
Давно все это заслужилъ!. ...
Мнѣ жертва чинъ ужъ заслужила
И вы должны отдать ей честь:
Мнѣ возвратить за все, что было
И наградить за то, что есть.

Для васъ, я знаю, что не лестно
Читать нескромный мой разсказъ:
Онъ раздосадуетъ лишь васъ;
Но всѣмъ уже давно извѣстно,
Что тамъ я вовсе не молчу,
Гдѣ истину сказать хочу!
Она горька, я это знаю,
И непріятна иногда,
Но истину я уважаю
И говорю ее всегда.
За что-жъ досадовать, сердиться?
Я васъ не думалъ оскорблять,
А только лишь хотѣлъ сказать,
Что забывать бы не годиться
Того, кого забыть грѣшно...
Да, впрочемъ, что!., мнѣ все равно!.....
Лишь только больно, грустно видѣть,
Въ страданьяхъ сердца своего,
Какъ *для* людей забыть, обидѣть
Почти не значитъ ничего!
Есть въ жизни бѣдствіе, повѣрьте,
Страшнѣй всего, страшнѣе смерти
Намъ дорогаго существа,
Его въ предѣлахъ Божества
Лишь только нѣтъ. . оно мученье ..
И это бѣдствіе—забвенье!.....
О, какъ ужасно быть забытымъ
За жертвы жизни, за дѣла

И видѣть съ сердцемъ ужъ разбитымъ
Вокругъ себя пучину зла!...
Не видѣть теплаго участья,
Смотрѣть на счастіе другихъ
И въ будущихъ годахъ своихъ
Не ожидать земнаго счастья,
И въ настоящемъ горевать,
И все страдать, и все страдать....
Да! счастливъ тотъ, кто мало смыслитъ,
Кто ограниченнымъ умомъ
Не углубляется, не мыслитъ,
Не разсуждаетъ ни о чемъ!
Тому удачи, съ рукъ все сходитъ,
Не ищетъ счастья, а находитъ
Его вездѣ, къ нему само
Бѣжитъ привѣтливо оно!
Его умѣрены желанья,
Спокоенъ бѣдный, жалкій умъ,
Въ душѣ не терпитъ онъ терзанья
Отъ пылкости высокихъ думъ....
А тотъ, кто вещи понимаетъ,
Тотъ, кто съ серьезной стороны
Всегда на жизнь, людей взираетъ,
Тотъ много терпитъ и страдаетъ,
Тому утѣхи не даны!
Того и люди такъ не любятъ,
И, если случай есть, они
Скорѣй отравятъ и загубятъ
Его восторженные дни.
Какъ не сказать: у насъ безлюдье?
И гдѣ искать намъ правосудья?
Куда идти? кому сказать,
Что нѣту силы такъ страдать?
Идти туда, въ тотъ городъ чудный,
Давно воздвигнутый Петромъ,
И тамъ излить свои страданья
И язвы сердца всѣ раскрыть,
О правосудьѣ и вниманьи
Душой разбитою молить!...
Сказать судьямъ, какъ тяжка доля,
Какъ много вышло жгучихъ слезъ

И какъ у стѣнъ Севастополя
Труды, лишенія я несъ!
Какъ многимъ жертвовалъ Отчизнѣ,
Какъ много вытерпѣлъ скорбей.
Какъ не жалѣлъ ничтожной жизни
Для блага родины своей!
Я разскажу тотъ приступъ смѣлый,
Когда враги, воспламенясь,
Шли къ намъ съ душой остервенѣлой
Отбить Севастополь у насъ,
Какъ съ чувствомъ пламенной любови
Мы защищали, что есть силъ,
И какъ лились потоки крови
Изъ русскихъ тѣлъ, изъ русскихъ жилъ.....
Я разскажу ту роковую
И незабвенную намъ ночь,
Какъ шли отъ города мы прочь
И жли его напропалую,
Чтобъ цѣлый онъ, когда не намъ,
То недостался-бъ и врагамъ!...
И тотъ кто пламенною грудью
Себѣ дорогу пробивалъ,
Тотъ больше только потерялъ.
Потомъ скажу о правосудьи
Начальства ближняго у насъ.
Конечно, это щекотливо,
Однакожь вѣрно, справедливо,
Что такъ страдаешь каждый часъ
И терпишь горе и тревоги,
А тотъ, кто только руки, ноги
Свои въ работу приводилъ,
Кто не страдалъ—тотъ счастливъ былъ!
Г ловоломной онъ работы
Чуждаясь, счастія достигъ
И такъ легко и безъ заботы
Посредствомъ ногъ и рукъ своихъ.
И послѣ я о многомъ, многомъ
Судьямъ скажу... они поймутъ,
Оцѣнятъ въ правосудьи строгомъ,
Несправедливость разберутъ,

И наградять за всѣ страданья
Наградой милости, вниманья!....

Я кончилъ, не желая болѣ
Васъ безпокоить, утруждать;
Предоставляю вашей волѣ
Меня судить, меня карать:
Несправедливымъ-ли презрѣньемъ,
Иль незаслуженнымъ гоненьемъ—
Мнѣ все равно! рѣшился я:
Мнѣ надоѣла жизнь моя!
Увѣренъ, васъ письмомъ я этимъ
Противъ себя вооружу,
Но я недолго послужу
И пострадаю такъ на свѣтѣ!....

Скажите, какъ же мнѣ, писать
Иль нѣтъ надежду избавленья:
Могуль, по крайней мѣрѣ, ждать
Я въ этой трети представленья?
Иль безъ надежды вѣкъ опять
Служить для мукъ и оскорбленья?.....
О! если такъ, то мнѣ придется
Оставить службу и идти...
Быть можетъ, гдѣ-нибудь найдется
Родное сердце на пути!
Не всѣ же люди будутъ звѣри....
И кто-нибудь, быть можетъ, двери
Счастливой жизни отопретъ—
И юнкеръ бѣдный и усталый,
Въ тяжелой жизни одичалый,
Съ душою свѣтлой въ нихъ войдетъ!

Г. Орелъ. 1858 г.

Письмо второе.

И такъ—пора! настало время,
Чтобъ тяготѣющее бремя,
Съ себя, истерзаннаго, снять,
И здѣсь, въ минуты разрушенья,

Всѣ силы духа, все рѣшенье
Въ борьбѣ послѣдней испытать!
Боролся я съ людьми, съ судьбою
На утрѣ лѣтъ, въ избыткѣ силъ,
И много, много погубилъ
Цвѣтовъ души такой борьбою!.....
И рано вымерла душа:
Въ ней все заглохло, опустѣло,
Отъ мукъ души ослабло тѣло,
И я бродилъ, едва дыша!
Но я забылъ: среди страданій
Въ душѣ остался уголокъ,
Гдѣ сохранить я какъ-то могъ
Одно святое упованье
Для жизни будущихъ тревогъ!...
А съ нимъ воскресла у меня
И сила духа на молитву,
И я иду на эту битву,
Иду въ послѣдній пылъ огня!
Погибну-ль я или изъ боя
Я выйду живъ и невредимъ—
Все рѣшено! хочу покоя,
Пора окончить все однимъ!
Теперь вы сильны и спокойны...
Но ваши *добрыя* дѣла
Чего-то грознаго достойны!
Повѣрьте, эта яма зла,
Которую вы мнѣ копали
И въ ней зарыть меня желали,
Повѣрьте мнѣ: она сама
Для васъ же вами вырывалась,
Вы сами же въ нее попались,
Хотя и много въ васъ ума!...
Значенье въ свѣтѣ, сила власти,
Вліянье чудное на всѣхъ
И двѣ презрительныя страсти
Давали полный вамъ успѣхъ
Свой сѣять ядъ безъ наказанья
И всякій разъ другихъ страданья
Встрѣчать съ насмѣшкой на устахъ
И жизнь губить въ младыхъ лѣтахъ!...

О! самолюбіе и гордость
У васъ велики, безъ конца;
Но Промыслъ Вышняго Творца
Смиритъ все это: ваша твердость
Не устоитъ; настанетъ часъ—
И Богъ за все накажетъ васъ!
Вашъ умъ достоинъ уваженья:
Онъ образованъ и глубокъ,
Но сердце—горькаго презрѣнья:
Въ немъ страшно гнѣздится порокъ!. ...
То гордость съ холодомъ ужаснымъ
И самолюбье безъ конца—
Вотъ что мѣшаетъ быть прекраснымъ
И привлекать къ себѣ сердца!...
Когда бъ пролить на сердце ваше
Побольше чувствъ и теплоты,
Святой и чудной доброты,
То вы-бъ постигли горе наше,
Вы были-бъ рѣдкій человѣкъ
Въ эгоистическій нашъ вѣкъ!
Но эти ваши два порока
Вамъ въ душу врѣзались глубоко,
И горе одному уму,
Коль сердце холодно къ всему!
Какъ жаль, что этотъ дивный пламень
Не согрѣваетъ сердца вамъ,
Какъ жаль, что сердце ваше камень
Ко всѣмъ страданьямъ и мольбамъ!
Какъ жаль, что при такомъ умѣ
Безъ сердца бродите вы въ тьмѣ!....
Васъ гордость слишкомъ ослѣпила,
Вы возмечтали—стыдъ и срамъ!—
Что нѣтъ, не будетъ и не было
Еще въ умѣ подобныхъ вамъ....
Къ чему-жь такъ думать горделиво?
Такъ думалъ лишь Наполеонъ,
Въ чемъ, впрочемъ, надо справедливо
Сказать—не ошибался онъ.
Дана вамъ власть надъ писарями
И то та власть не безъ границъ,
А вы хотите, чтобъ предъ вами

Вездѣ все падало бы ницъ!
Чтобъ все предъ вами трепетало
Чтобъ все вездѣ страшилось васъ
И съ раболѣпствомъ исполняло
Малѣйшей воли вашъ приказъ!..
О, какъ васъ ослѣпили страсти!
Вы даже внѣ предѣловъ власти
Хотите властелиномъ быть,
Чтобъ все предъ вами покорялось,
Чтобъ зло отъ васъ распространялось,
Чтобъ все благое истребить!

Не оскорбляйтесь, если строго
Я такъ сужу... укоръ жестокъ:—
Вы сами въ томъ виновны много,
Вы сами вызвали упрекъ,
За что любить васъ невозможно...
Любви не видѣть вамъ во вѣкъ:
Ктожъ можетъ васъ любить, какъ должно,
Когда вы злобный человѣкъ?
Зло не всегда, вѣдь, уважаютъ...
Вѣдь, люди, хоть развращены,
Но добродѣтель почитаютъ
За тѣмъ, что чувствуютъ, что знаютъ,
Что мы для ней сотворены!....
Кто-жъ можетъ чувство вамъ повѣрить,
Когда въ васъ чувства не сыскать?
Предъ вами будутъ лицемѣрить,
Въ душѣ васъ будутъ презирать
Иль лучше: будутъ ненавидѣть....
А часъ когда нибудь придетъ—
И маска съ злаго упадетъ...
И будетъ плохо, но ужъ поздно,
Когда за всѣ дѣла отчетъ
Отъ васъ потребуется грозно,
Чтобъ злаго не было впередъ!

Понятно ваше то стремленье,
Что, захотѣвши быть въ чести,
Задумали вы просвѣщенье,
Цивилизацію ввести

Между дворянъ. Хоть цѣль прекрасна,
Что вы хотите юнкеровъ
Образовать, но все напрасно:
Умъ поздно для такихъ головъ!
Умъ все тупѣетъ годъ отъ году...
Быть можетъ вы, какъ Петръ Великій,
Чтобъ свѣту истины дать ходъ,
Необразованный и дикій
Дубиной понуждалъ народъ,
Чтобы заставить, чтобъ подвигнуть
Къ образованію его,
Чтобъ черезъ то онъ могъ постигнуть
Все зло незнанья своего,—
И вы хотите такъ, быть можетъ,
Черезъ дубину юнкеровъ
Образовать и тѣмъ умножить
Число блистательныхъ головъ?—
Когда вы къ этому стремитесь—
Напрасно, право, не трудитесь:
Желанье ваше, силы, трудъ
Вамъ въ этомъ плодъ не принесутъ.
Вѣдь, то былъ Петръ, вѣдь то былъ Геній,
Кому въ святомъ благоговѣньи
Дивился цѣлый міръ и вѣкъ,
То былъ—Великій человѣкъ!
Тотъ былъ великъ на свѣтѣ саномъ,
Умомъ своимъ, душой своей.

Кому дано природой мало
Ума, кто ею былъ убитъ,
Въ комъ умъ при юности сначала
Необработанъ, не развитъ,—
Въ томъ трудно силой небольшою
Души холодной и ума
Развить умъ мыслящій съ душою,
Добра посѣять сѣмена!
Опять же, время то промчалось,
Когда все злое тѣмъ же зломъ
Въ умахъ, въ сердцахъ искоренялось:
Теперь все дѣлаютъ добромъ
Теперь, чтобъ просвѣтить невѣжду,

Чтобь сдѣлать пользу чью-нибудь,
Берутъ того, кто бъ могъ надежду
Осуществить, необмануть,
Кто могъ бы ловкимъ обращеньемъ
Ума, души и простотой
Надъ загрубѣлою душой
Произвести перерожденье,
Ктобъ могъ сорвать съ души кору
И научить ее добру.....
А вы... какъ вы не разсудили?
Какъ вы вдались въ такой обманъ?
Какому ментору вручили,
Себѣ подобныхъ, вы дворянъ?....
А, впрочемъ, мнѣ съ какой стати
Васъ разбирать! что за нужда!
Я радъ дождался благодати,
Что васъ оставлю навсегда.
Но, нѣтъ! зачѣмъ намъ разставаться
И навсегда? Когда-нибудь
Мы можемъ снова увидаться...
Великъ, вѣдь, жизни нашей путь!
И вотъ тогда, повѣрьте, вѣрно
Во мнѣ не сыщете того,
Кого теперь могли безмѣрно
Вы оскорблять изъ ничего.
Тогда не юнкеръ передъ вами,
Не поднимая къ верху глазъ,
Внизъ съ опущенными руками,
Стоять ужъ будетъ, нѣтъ! въ тотъ часъ
Вы мнѣ не скажите: ,, молчите ,,
Или ,, не хмурьтесь! ,, я сказать
Могу: вы сами замолчите
Иль я заставлю васъ молчать!...
Я-бъ показалъ вамъ дворянина
И что сносить онъ не привыкъ...
Но эта служба, дисциплина
Сковала волю и языкъ!
Теперь нельзя, но часъ придетъ,
Когда вашъ умъ меня пойметъ....

Но, разставаясь, хоть въ несчастьи,
Я не хочу невѣжей быть:
За ваше доброе участье
Позвольте васъ благодарить.
Благодарю васъ на прощаньи
За всѣ заботы обо мнѣ,
За все участье и вниманье,
За жизнь, которую вы мнѣ
Нести, отравленную, дали,
Когда по каплѣ вырывали
Вы чувства изъ души моей
Несправедливостью своей;
Благодарю за то, что вѣру,
Надежду-лучшій жизни цвѣтъ
Вы истребили и карьеру
Открыли славную мнѣ въ свѣтъ....
По вашей злобѣ, хоть ничтожной,
Но еслибъ небыло Царя,
То здѣсь служить бы невозможно,
Но, Господа благодаря,
У насъ есть Царь-есть правый судъ,
Гдѣ все на части разберутъ!
Онъ милосердъ: Онъ намъ укажетъ
За всѣ труды ко счастью путь
И вамъ за все „спасибо„ скажетъ,
Васъ наградитъ, когда-нибудь!...
Вамъ было, кажется, извѣстно,
Я вамъ, вѣдь, кажется, писалъ,
Какъ добросовѣстно и честно
Я долгъ свой въ службѣ исполнялъ;
Какъ я къ стѣнамъ Севастополя
Всѣ жертвы юности принесъ...
Я зналъ, что въ вашей было волѣ
Улучшить бытъ жестокой доли
И язвы изцѣлить отъ слезъ...
Я говорилъ вамъ... вы сказали:
"Забыто прошлое давно„
И въ настоящемъ показали,
Что было дѣлать мнѣ должно:
Держи экзаменъ, будто школьникъ
И по напрасному трудись,

Служи, какъ рабъ и какъ невольникъ
И первой грамотѣ учись!....
Пускай летитъ все больше время,
Но ты смиренно это бремя
Безъ сердца ропота неси;
Сноси обиды, оскорбленья,
Несправедливости, гоненья,
И о прошедшемъ не проси!...
Что жертвы прошлыя?-пустое!
Что тѣ страданья?-пустяки!
Трудись до гроба безъ покоя....
Пускай счастливы дураки......,,

Но все, что мнѣ вы предложили,
Я все исполнилъ, какъ завѣтъ:
Вѣдь, этой мудрости учили
Меня еще съ измала лѣтъ.
И я учился, былъ и въ школѣ
И всѣ премудрости постигъ....
Страдалъ безъ ропота по волѣ
У стѣнъ для сердца дорогихъ....
Чѣмъ-только могъ я для Отчизны,
То всѣмъ пожертвовалъ, любя!....
И никакою укоризной
Я не могу смутить себя!.....

Угодно вамъ теперь, быть можетъ,
Мнѣ сдѣлать небольшой вопросъ:
Что-жъ мнѣ такое сердце гложетъ?
Какія жертвы я принесъ?...—
Въ то время, какъ война кипѣла,
Я дома въ счастьи, въ нѣгѣ жилъ...
Но скоро сердце не стерпѣло,
Я бросилъ все, что такъ любилъ:
Во первыхъ, бросилъ я науки,
И жизнь, исполненную нѣгъ,
Я промѣнялъ на скорби, муки,—
На жизнь безъ счастья, безъ утѣхъ.....
Я бросилъ кругъ людей прекрасныхъ,
Въ которомъ—,,—,,—жилъ и росъ всегда
Межъ думъ возвышенныхъ и ясныхъ,
Межъ благороднаго труда,

Межъ вдохновенья и искуства,
Сердечной, теплой доброты,
Между возвышеннаго чувства
И непритворной простоты...
И, вдругъ, попалъ межъ охладѣлыхъ,
Необразованныхъ людей, (*)
Въ трудѣ суровомъ загрубѣлыхъ,
Безъ обхожденья, безъ рѣчей.,..
Была взята моя свобода...
Въ трудахъ и грубыхъ и большихъ
Я вотъ уже четыре года
Живу между людей такихъ.
Вы согласитесь вѣрно сами:
Взять человѣка съ юныхъ лѣтъ
И окружить его звѣрями
И бездной горестей и бѣдъ,—
Что будетъ съ нимъ?-онъ загрубѣетъ,
Утратитъ чувство, разумъ, рѣчь...
И послѣ кто его сумѣетъ
Отъ заблужденія отвлечь?...
Вотъ такъ и я: съ звѣрьми, въ кручинѣ,
Я одичалъ и самъ, какъ звѣрь...
И въ этой жизни, въ этомъ чинѣ
Затворена мнѣ свѣта дверь!...
Но я на жизнь надежды ясной
Еще изъ сердца не терялъ,
Сносилъ нужду и трудъ ужасный
И безъ роптанія страдалъ.
Я жизнью жертвовалъ, страдая,
И думалъ такъ: часы придутъ,
Когда труды всѣ награждая
И мой оцѣнятъ также трудъ....
Но что жъ? за жертвы, за мученья,
За этотъ славный сердца пылъ—
Одно я хладное забвенье
Себѣ въ награду получилъ!...
Скорбѣло сердце отъ досады,
Рвалось отъ горя по поламъ:

(*) Юнкеръ, какъ нижній чинъ, долженъ находиться во время кампаніи съ солдатами.

Какой-же послѣ ждать награды,
Когда забвенье было тамъ,—
Тамъ, въ томъ аду ужасномъ смерти?..
Я такъ отчаялся, повѣрьте,
Что этотъ первый въ жизни шагъ
Въ душѣ родилъ какой-то страхъ
За жизнь грядущую. Невольно
Я сталъ тогда уже роптать.
Что дѣлать! сердцу было больно,
Невыносимо такъ страдать!....
И чтобъ забыть души недугъ,
Досаду, горесть-безъ раздумья,
Съ тоскою бросился я, вдругъ,
На пиръ кипящаго безумья! ...
Гдѣ такъ кипѣла жизнь страстей,
При кликахъ юности безумной,
Я не жалѣлъ души своей
И упивался жизнью шумной!
А вы, причины не понявъ,
Все остальное довершили:
Послѣдній цвѣтъ съ души сорвавъ,
Вы чувства всѣ мои убили!
И ваша гордость, ваша власть,
Несправедливость и гоненье
Меня заставили проклясть
Мою и жизнь и день рожденья!
Съ душой разбитой, наконецъ,
Иду искать себѣ конецъ
Съ главой поднятою, безъ страха....
И хоть другой на этомъ мѣстѣ
Подумалъ бы о страшной мести,
И вамъ жестоко бъ отомстилъ,
Хотя всю жизнь свою сгубилъ;
Но я, хоть въ жизни грѣшенъ много,
Однако соблюдаю строго
Святой Спасителя законъ,
Гдѣ такъ сказалъ намъ, грѣшнымъ, Онъ:
«Прощай врагамъ и имъ не зломъ
Плати за злобу, а добромъ.»....
И я все это уважаю,
И хоть подъ бременемъ креста,

Но этотъ строго соблюдаю
Завѣтъ Спасителя-Христа!..
И еслибъ лучь отрадный счастья
Мнѣ жизнь нежданно озарилъ,
Я-бъ васъ за все мое несчастье
Отъ сердца чистаго простилъ!.....

Г. Орелъ. 1858 г.

НАТАША.

(Разсказъ церковнаго старосты)

I.

По немъ съ утра до поздней ночи
Тоскуетъ сердце, плачутъ очи!....

Козловъ.

Тебя я любилъ, мнѣ тебя не забыть,
Тебя я и въ вѣчности буду любить!....

Мей.

Однажды лѣтомъ, въ край чужой,
Одной губернію степной
Я чрезъ деревню проѣзжалъ.
Мой взоръ ловилъ и пожиралъ
Ландшафтный видъ ея полей,
Рѣку, гдѣ множество сѣтей
Трудолюбивыхъ рыбарей
Вездѣ тащилось тамъ и сямъ,
Гдѣ по зеленымъ берегамъ
Паслись стада... и вдалекѣ
Пастухъ уныло на рожкѣ
Родную пѣсню запѣвалъ.
Почти ужъ вечеръ наставалъ.
Вдали чернѣлъ сосновый лѣсъ.
Садилось солнце. Сводъ небесъ
Горѣлъ въ величьѣ неземномъ
Какимъ-то радужнымъ огнемъ.

Все было въ нѣгѣ, въ тишинѣ...
И было грустно, сладко мнѣ...
Святая грусть! святой восторгъ!
И я никакъ, никакъ не могъ
Свой взоръ отсюда оторвать,
Не могъ души своей понять:
Въ ней такъ тѣснилися мечты
При этомъ видѣ красоты,
Такъ волновался юный умъ
Въ пылу какихъ-то странныхъ думъ,
Такъ чуденъ былъ всѣхъ мыслей сбродъ,
Что я не могъ отдать отчетъ
Въ сердечныхъ чувствахъ; лишь мечтать
Я могъ тогда и вспоминать
Свое былое бытіе,
Какъ сердце юное мое,
Пылая въ сладостномъ огнѣ,
Любило, вѣрило вполнѣ.

II.

И долго, долго думалъ я:
О жизни, цѣли бытія,
О чувствахъ, пламени страстей,
О назначеніи людей,
О долѣ горестной, земной....
Внизу бѣжала подо мной,
Шумя, чуть слышно лишь, рѣка.
Тамъ я увидѣлъ старика.
Его костлявая рука
Держала книгу. Онъ слегка
Мнѣ поклонился и опять
Сталъ тихо про себя читать.
Я съ высоты къ нему сошелъ
И на лицѣ его прочелъ
Слѣды страданій роковыхъ,
Скорбей и горестей земныхъ...
Я тутъ замѣтилъ, что старикъ
Былъ и суровъ, и какъ-то дикъ,
И какъ-то мраченъ, и угрюмъ...
Казалось, много черныхъ думъ

На увядавшее чело
Въ тоскѣ страданья налегло...
Но доброта была въ чертахъ,
Свѣтился умъ въ его глазахъ.
Я подлѣ старика присѣлъ
Тогда на камнѣ и хотѣлъ
Его о жизни расспросить.
Онъ не рѣшался говорить
И что-то медлилъ... я просилъ—
И просьбѣ старецъ уступилъ..
И такъ онъ началъ свой разсказъ.

III.

«Я лишь впервые вижу васъ...
«Но, можетъ быть, моя печаль
«И тронетъ васъ: вамъ будетъ жаль
«Меня, быть можетъ, старика.
«Ужъ десять лѣтъ меня тоска
«Почти безвыходно грызетъ
«И мысль одна съ ума нейдетъ:
«То мысль о дочери моей,
«Погибшей жертвою страстей,
«На самомъ утрѣ ясныхъ дней!

«О, люди, люди! скоро-ль мы
«Избавимъ сердце этой тьмы,
«Которой губимъ мы себя?
«И скоро-ль, правду возлюбя,
«Мы будемъ знать и честь и стыдъ?
«Когда въ насъ Богъ заговорить
«И совѣсть будетъ въ насъ чиста?
«Когда не станемъ мы Христа
«Своей неправдой распинать,
«И свято долгъ свой выполнять?.....

IV.

«Я былъ удѣльнымъ головой.
«Смышленый въ жизни, дѣловой,
«Своимъ довольствомъ и казной
«Въ селѣ я всѣхъ превосходилъ.

«Добро и правду я любилъ,
«За что почтенъ народомъ былъ.
«Господь мнѣ разумъ свѣтлый далъ.
«Я жизнь по опыту ужъ зналъ,
«И много кой-чего читалъ.
«Большія лица, господа
«Мной не гнушались никогда;
«Со мной любили говорить,
«О жизни и дѣлахъ судить,
«За тѣмъ, что смыслилъ много я...
«И рѣчь не мудрая моя
«По нраву всякому была.
«Я былъ далекъ отъ лжи и зла,
«И честно велъ свои дѣла,
«И мирно жилъ съ своей семьей.
«Но вотъ разстался я съ женой:
«Она легла въ землѣ сырой,
«Оставивъ мнѣ Наташу дочь.
«Я неусыпно день и ночь
«Объ ней пекся и хлопоталъ,
«Добру и правдѣ наставлялъ....
«Все было счастіе мое,
«Мое земное бытіе,
«Въ одной лишь ей заключено,
«Въ одной душѣ схоронено!....

V.

«Нравъ тихій, кроткій былъ у ней.
«Во всемъ селѣ ея умнѣй,
«Благочестивѣй и добрѣй
«Не находилось; люди всѣ
«Дивилися ея красѣ.
«И самъ-не въ похвальбу сказать—
«Не могъ я взоры оторвать
«Отъ красоты ея. Глаза,
«Какъ голубыя небеса,
«Блистали всей ея душой
«Невинной, чистой и простой.
«Лице ея—зимы бѣлѣй,

«А голосъ—что твой соловей!...
«Бывало, только запоетъ,
«Такъ просто душу повернетъ,
«Охватитъ сердце все огнемъ,
«Какъ бы забудешь о земномъ...
«На сердцѣ рай, по тѣлу дрожь..
«Такъ голосъ былъ ея хорошъ!....
«Бывало, утомясь съ труда,
«Любилъ я слушать иногда
«Въ весенній день, подъ вечерокъ
»Ея веселый голосокъ;
«И въ тѣ минуты вспоминалъ
«Свои года, когда бывалъ
«И я такъ веселъ, какъ она,
«Когда душа была полна
«Горячихъ чувствъ и крѣпкихъ силъ,
«Когда я вѣрилъ и любилъ! ....

«Бывало въ шумный хороводъ
«Лишь только дочь моя придетъ—
«Ей мѣсто первое даютъ,
«Съ почетомъ за руки ведутъ...
«Въ кругу прославленныхъ пѣвицъ,
«Вь кругу красавицъ всѣхъ дѣвицъ
«Она Царицей прослыла,
«Вездѣ все первая была....
«И я, старикъ, въ душѣ своей.
«Гордился дочерью моей!...
«Кичилася душа моя—
«Богъ наказалъ за то меня!....

VI.

«Въ село, отъ нашего верстъ съ пять,
«Къ себѣ на лѣто проживать,
«Столичной жизнью утомясь,
«Пріѣхалъ баринъ, важный князь,
«Красивый, умный, молодой.
«Онъ задавалъ пиры горой;

«Къ нему помѣщики толпой
«Въ село съѣзжались день и ночь.
«И вотъ мнѣ стала что-то дочь
«Объ немъ не рѣдко говорить,
«И такъ и сякъ его хвалить...
«Но могъ ли тайну я открыть?
«Я здѣсь не видѣлъ вовсе зла.
«Князь мимо нашего села
«Довольно часто проѣзжалъ,
«И дочь мою не разъ видалъ....
«Съ тѣхъ поръ видали мы: какъ тѣнь,
«Всегда къ намъ въ храмъ, въ Воскресный день,
«Являлся къ намъ, и, ставши тамъ,
«Глядѣлъ въ стекло по сторонамъ,
«Какъ бы искалъ онъ тамъ кого....
«Наташа тоже на него
«Глядѣла пристально всегда...
«И вотъ пришла ко мнѣ бѣда!....
«Дочь что-то сдѣлалась худа,
«Блѣдна, задумчива; отъ ней
«Ужъ не слыхалъ я и рѣчей
«И нѣжныхъ пѣсенъ отъ души.
«Все было въ мертвенной тиши,
«Когда замолкъ Наташинъ гласъ...
«И вотъ однажды, какъ-то разъ,
«Да будетъ проклятъ этотъ часъ,
«Наташа скрылася моя,
«Покрывъ безчестіемъ меня!......
«Я ждалъ, искалъ ее два дня,
«И угрожая и браня...
«Но сердце наконецъ взяло:
«Пошелъ я къ князю на село.
«Я думалъ тамъ ее найдти...
«И что могло произойдти
«Тогда межъ дочерью, отцемъ
«И этимъ княземъ—подлецомъ,
«Когда бъ нашелъ ее я тамъ?.......
«Я вамъ того не передамъ,
«Какъ я скорбѣлъ, какъ я страдалъ,
«Когда нежданно, вдругъ, узналъ,
«Что дочь мою злодѣй увезъ!....

«Дивлюся, какъ я перенесъ
«Смертельный стыдъ такой, позоръ
«На старость лѣтъ!... съ тѣхъ самыхъ поръ
«Пятно легло на совѣсть, честь
«И дочь пропала... гдѣ—Богъ вѣсть!....

VII.

«Да! отъ простыхъ и отъ господъ
«Сороковой вотъ слишкомъ годъ
«Старикъ почтенъ былъ и любимъ...
«Теперь—смѣялись всѣ надъ нимъ!...
«Твердили:—вотъ онъ межь людей
«Хвалился дочкою своей...
«Теперь смотрите на него:
«Наташа въ ходъ пошла его ..
«Не съ нашимъ братомъ, а съ князькомъ!...—
«И въ слѣдъ за этимъ смѣха громъ
«И крикъ и свистъ, какъ бы содомъ,
«Меня вездѣ сопровождалъ.
«О, Боже, Боже! я взывалъ:
«И гдѣ жъ была вина моя,
«Что наказалъ Ты такъ меня?....
«Ударъ тяжелъ, ударъ великъ
«Меня нежданно такъ постигъ!...
«Но я всегда, всю жизнь свою
«Святую заповѣдь Твою
«Соблюлъ во всемъ! Такъ день и ночь
«Роптала и клялъ свою я дочь.
«Что дѣлать! больно было мнѣ,
«Я весь горѣлъ, какъ на огнѣ,
«И слезы, слезы каждый часъ
«Лились рѣкой изъ старыхъ глазъ! .....
«Тоска заѣла до конца!....
«У оскорбленнаго отца
«Ключемъ забила въ сердцѣ кровь...
«О! какъ сильна отца любовь,
«Такъ велика его и месть
«За оскорбленную въ немъ честь!

«Пойду скорѣй, вездѣ пойду,
«Весь міръ, всѣ страны обойду,
«Молясь и день и ночь Творцу,
«Сыщу заблудшую овцу,
«Тебѣ-жъ, злодѣй, не подарю!....
«Ты потушилъ мою зарю...

А! ты вельможа, знатный князь...
«Подъ этимъ саномъ, не страшась
«Земныхъ законовъ и суда,
«Ты можешь вольно, безъ труда,
«Гдѣ хочешь, сѣять ложь и зло...
«Но правосудье не ушло!
«Теперь не тѣ ужъ времена,
«Отъ Бога милость намъ дана:
«Законы строже, судъ честнѣй...
«Не ликовать тебѣ, злодѣй!....
«Да! я простякъ въ толпѣ людской,
«Я червь почти передъ тобой:
«Ты князь, а я почти мужикъ;
«Но я душой за то великъ:
«Я знаю совѣсть, честь и стыдъ,
«Во мнѣ святое все не спитъ!....
«Я за дурное не возьмусь,
«На зло и подлость не рѣшусь!.....

VIII.

«И вотъ съ набитымъ кошелькомъ
«Оставилъ я село и домъ,
«Рѣшившись твердо міръ пройдти,
«Но только дочь свою найдти!.....
«Лѣтъ семь я по свѣту бродилъ,
«Какъ, будто бы, жилецъ могилъ.
«Я былъ почти во всѣхъ странахъ:
«Въ большихъ Швейцаріи горахъ,
«Гдѣ такъ прекрасно; былъ и тамъ,
«Гдѣ по прекраснымъ небесамъ
«Не ходятъ тучи, какъ у насъ.

«Ходилъ я также на Кавказъ,
«Весь исходилъ Востокъ и Югъ,
«Терпѣлъ отъ бури и отъ вьюгъ...
«Но сколько я земель прошелъ,
«А все Наташи не нашелъ!...
«Была различная молва:
«На всѣ вопросы и слова
«Все больше съ смѣхомъ по поламъ
«Мнѣ отвѣчали: здѣсь иль тамъ....
«Я шелъ туда, казной сорилъ,
«Но ничего не находилъ!....
«Понятно, что чужимъ не жаль..
«У каждаго своя печаль!
«Кому есть дѣло до меня,
«Что дочь отъискиваю я?...
«Свое и ближе и больнѣй...
«Таковъ ужъ грѣхъ у всѣхъ людей!...
«Васъ удивляетъ, можетъ быть
«Какъ могъ вездѣ я исходить,
«Не бывши ни съ однимъ знакомъ
«Чужестороннимъ языкомъ?—
«Не удивляйтесь: я не глупъ,
«Къ тому жъ на деньги былъ не скупъ,
«А съ ними легки всѣ дѣла...
«Къ тому же—скорбь меня вела!....

IX.

«Взяла отчаянья тоска!...
«Я думалъ: смерть уже близка;
«Но мысли о врагѣ моемъ
«Смертельнымъ жгли меня огнемъ;
«Но я надежды не терялъ,
«Терпѣлъ, молился и искалъ,

«Однажды, въ церкви я стоялъ.
«Въ углу прижавшись, въ сторонѣ,
«Молился. Тяжко было мнѣ!
«Я изливалъ мои мольбы

«На перемѣнчивость судьбы,
«Причину горести моей,
«На жесткость, каменность людей,
«Которыхъ совѣсть не чиста...
«Молилъ спасти меня Христа
«Отъ этихъ мукъ сердечныхъ ранъ
«Креста, который Имъ мнѣ данъ...
«Молилъ о многомъ я. Назадъ
«Я какъ-то бросилъ бѣглый взглядъ,
«И тамъ я въ рубищѣ простомъ,
«Съ руками, сжатыми крестомъ,
«Замѣтилъ женщину. Она
«Была худа и такъ блѣдна,
«Что было сердцу какъ-то жаль.
«Въ лицѣ глубокая печаль
«У ней виднѣлась; но черты
«Еще остатокъ красоты
«Собой казали; на глазахъ
«Дрожали слезы; на устахъ
«Была молитва. Дрожь и страхъ
«Сковали сердце, вдругъ, мое...
«Казалось мнѣ лице ея
«Знакомо что-то. Слабый духъ
«Во мнѣ стѣснился какъ-то, вдругъ,
«И сердце сжалося тоской,
«Тоскою скорбной и нѣмой.
«Я ждалъ конца обѣдни... вотъ
«Она окончилась. Народъ
«Сталъ выходить; я въ слѣдъ за нимъ,
«Тоской, предчувствіемъ томимъ,
«Спѣшилъ догнать бѣдняжку ту,
«Толкалъ, какъ бѣшеный, толпу,
«Чтобы ее не проглядѣть,
«Чтобъ хорошенько разсмотрѣть
«Ея знакомое лице.
«Но только вышелъ на крыльцо
«И лишь взглянулъ—затрепеталъ:
«Я въ нищей—дочь свою узналъ!...
«О, какъ рыдалъ и плакалъ я!....

X.

«Она лежала у меня
«Въ рукахъ блѣдна, безъ чувствъ, безъ словъ....
«Великій Богъ! Творецъ міровъ!....
«Ужель она? что сталось съ ней?
«Что сдѣлалъ съ бѣдною злодѣй?
«Гдѣ красота? гдѣ гордый видъ?
«Трупъ жалкимъ рубищемъ покрытъ:
«Вотъ что осталось мнѣ отъ ней,
«Которой не было пышнѣй
«Почти нигдѣ! Злодѣй, подлецъ
«Хотѣлъ идти съ ней подъ вѣнецъ,
«И дочь моя, любя его,
«Врага злодѣя моего,
«Какъ видно болѣе всего,
«Его повѣрила словамъ;
«Но онъ .. о, подлость, стыдъ и срамъ!
«Проживши съ нею только годъ,
«Приживъ любви постыдной плодъ,
«Ее прогналъ и безъ стыда,
«А самъ изчезъ, Богъ вѣсть куда!...

«Но я прощаю!... я не золъ...
«Я радъ, что дочь свою нашелъ
«Я ошибался, я забылъ,
«Кто я въ сравненьи съ княземъ былъ!...
«Не мнѣ, не мнѣ судиться съ нимъ!...
«Я былъ бы здѣсь раздавленъ имъ.
«Простые, робкіе умы
«Ничто предъ господами мы!....
«Здѣсь сильны баре лишь одни
«И даже въ наши эти дни,
«Когда про правду такъ кричатъ...
«Хоть насъ, пожалуй, защитятъ
«Но не всегда. Все—перевѣсъ,
«Имѣетъ родъ, богатство, вѣсъ......
«Но пусть его да судитъ Тотъ,
«Кто всѣхъ людей судить придетъ!...
«Онъ самъ потребуетъ отчетъ

«Съ него за то, что до конца
«Разрушилъ счастіе отца!...

XI.

«И вотъ я дочь свою привезъ.
«Никакъ не могъ безъ горькихъ слезъ
«Я на нее смотрѣть. Она
«Была печальна и грустна,
«Порой задумчива, мрачна.
«Я дочь за это упрекалъ,
«Но мой упрекъ не помогалъ,
«Лишь больше грусти въ ней рождалъ.
«Бывало въ лѣсъ куда нибудь
«Душой и сердцемъ отдохнуть
«Она уйдетъ и тамъ поетъ
«Рыдаетъ горько, слезы льетъ,
«И ждетъ кого-то, и зоветъ....
«Бывало, бѣдная, упавъ
«Ко мнѣ на грудь и зарыдавъ,
«Въ душѣ съ мучительной тоской
«Мнѣ шепчетъ о странѣ другой,
«Глядитъ безъ мысли, и не разъ,
«Слеза ея прекрасныхъ глазъ
«Катилась по моимъ щекамъ...
«Иль утромъ бродитъ по лугамъ,
«И все груститъ, и все поетъ,
«И слезы льетъ, и все зоветъ!...

«Случалось часто: безъ отрадъ,
«Вперивъ свой неподвижный взглядъ
«То на меня, то на другихъ,
«Она, казалось, между нихъ
«Кого-то сердцемъ и душой
«Искала въ горести нѣмой;
«Но не нашедши никого,
«Въ страданьи сердца своего,
«Она шептала, какъ во снѣ:
—О. милый, тяжко, грустно мнѣ!
—Приди скорѣе, мой супругъ,
—Сними съ души моей недугъ!...—

«И долго странныя слова
«Она шептала. Голова
«Моя вертѣлася кругомъ.
«Все будто тяжкимъ, грустнымъ сномъ
«Казалось мнѣ. Въ глазахъ моихъ,
«Въ страданьяхъ сердца огневыхъ,
«Какъ свѣчка гасла дочь моя
«Все хуже, больше день отъ дня!....
«И гдѣ дѣвалась красота?
«Иль это сонъ? иль то мечта?
«Гдѣ свѣжесть дѣвственной души,
«Когда, бывало, ты въ тиши
«Такъ восхищала сю насъ,
«И мы твой слушали разсказъ
«О разныхъ рыцаряхъ, войнѣ,
«О дняхъ былыхъ, о старинѣ?...—
«Пропало все! поблекнулъ цвѣтъ!
«Погибъ покой! надежды нѣтъ!
«Да! вянетъ дочь, родная дочь—
«И я страдаю день и ночь!...
«Весна увяла, а съ весной
«Завялъ совсѣмъ цвѣтокъ и мой!....

XII.

«Вотъ я разъ я въ горницу, вошелъ,
«Гдѣ дочь лежала—и нашелъ
«Ее измученной, больной.
«Вперивши взоръ потухшій свой
«Въ мои глаза, она съ тоской
«Прижала къ сердцу, вдругъ, меня,
«Потомъ, какъ малое дитя,
«Вдругъ зарыдала, затряслась,
«И долго рѣчь ея лилась!....

—Отецъ! давно.. съ тѣхъ самыхъ поръ,
—Какъ мой несглаженный позоръ
—Тебѣ страданье причинилъ,
—Ты, можетъ быть, всечасно мнилъ,
—Что дочь твоя, какъ и была,
—Живетъ счастлива, весела—

—Ошибся!.. нѣтъ... съ минуты той,
—Какъ разлучилась я съ тобой,—
—Всегда, вездѣ, и день и ночь
—Твоя страдала страшно дочь!
—Моя душа во тьмѣ ночной
—Смущалась мыслію одной,
—Что, можетъ быть, въ душѣ стеня,
—Ты проклялъ, бѣдную, меня.
—О! эта мысль съ своимъ огнемъ
—Въ воображеніи моемъ
—Всѣ виды страха приняла,
—Меня и мучила и жгла,
—Сосала сердце мнѣ змѣей,
—И гасла жизнь моя съ душой!

—Ты знаешъ самъ, что я его,
—Врага, злодѣя твоего,
—Любила такъ, какъ, можетъ быть,
—Никто не въ силахъ полюбить!
—Его здѣсь нѣтъ; но образъ живъ:
—Онъ, въ сердцѣ память сотворивъ,
—Живетъ со мной, въ моей груди,
—Въ моей убійственной любви!......

—Я помню время нѣжныхъ словъ,
—Надеждъ и радужныхъ цвѣтовъ,
—Когда мой другъ и твой злодѣй,
—Прижавъ къ груди меня своей,
—Любовь, покрытую стыдомъ,
—Хотѣлъ прикрыть со мной вѣнцомъ....
—О, какъ я счастлива была!
—Я этой мыслію жила
—Затѣмъ, что думала, отецъ,
—И ты простишь, когда вѣнецъ
—Загладитъ этотъ весь позоръ,
—Когда и ты, отецъ, съ тѣхъ поръ
—Могъ съ нами жить... но не сбылось!
—Моимъ мечтамъ не довелось
—Осуществится. Минулъ годъ—
—И вотъ любви невинный плодъ
—Родился сынъ ужъ у меня.

—Съ того же роковаго дня
—Онъ охладѣлъ, жестокимъ сталъ,
—Меня ужъ больше не ласкалъ,
—Но лишь съ насмѣшкой упрекалъ....
—Я поняла его любовь,
—И въ сердцѣ, вдругъ, застыла кровь,
—Когда узнала я вполнѣ
—Его презрѣніе ко мнѣ!.....
—Однажды сталъ мнѣ говорить,
—Что онъ намѣренъ измѣнить
—Свой образъ жизни, что ему
—Со мной скучно одному,
—Что онъ жить въ свѣтѣ обреченъ,
—Въ княжну какую-то влюбленъ,
—И что чрезъ мѣсяцъ та княжна
—Должна ужъ быть его жена,..
—Что я особенно одна
—-Должна въ квартирѣ съ сыномъ жить,
—Его оставить и забыть! . . . . .
—И въ тотъ же самый страшный день
—Меня безумную, какъ тѣнь,
—Безъ чувствъ, безъ силъ, въ какой-то домъ
—Перевели съ моимъ стыдомъ,
—И дали денегъ; отъ тоски,
—Отъ боли сердца я въ куски
—Всѣ деньги тѣ изорвала...
—И ужь не знаю, какъ жила,
—Какъ я осталася цѣла!.....
—О, мой отецъ! и день и ночь
—Твоя страдала страшно дочь!...
—Самъ адъ не могъ бы такъ терзать,
—Не могъ бы мукъ такихъ мнѣ дать,
—Какія я несла тогда
—Съ ярмомъ позора и стыда!.....

—Разъ, позабывъ и стыдъ и страхъ,
—Съ груднымъ младенцамъ на рукахъ,
—Я шла къ нему куска просить,
—Чтобы младенца накормить,
—Который два дня ужъ не ѣлъ.
—Князь съ молодой женой сидѣлъ

—У раствореннаго окна.
—Прижавъ къ себѣ его, жена,
—Любви и нѣжности полна,
—Лобзала въ очи и уста....
—«Подайте именемъ Христа!...»
—Проговорила я едва,
—Дрожа всѣмъ тѣломъ, чуть жива...,
—Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно,
—И затворилъ скорѣй окно,
—Я зашаталася. Изъ глазъ
—Полились слезы. Въ тотъ-же часъ
—Ко мнѣ лакеи подошли,
—И, взявъ за руки, повели
—Отъ дому, съ бранью и смѣясь:
—«Вотъ какъ велѣлъ тебя нашъ князь
—«Отсюда съ честью проводить,
—«Чтобъ не осмѣлилась ходить!...—»

—Безъ чувства повалилась я,
—Сынъ покатился отъ меня. ...
—Не помню какъ, когда и гдѣ,
—Но я очнулася въ избѣ
—Съ умершимъ сыномъ на рукахъ.

—Я схоронила милый прахъ.

—Съ тѣхъ поръ... но нѣтъ,.. зачѣмъ? къ чему?
—Не вынесть сердцу моему
—Всѣхъ этихъ мукъ, весь этотъ срамъ...
—Ты остальное знаешь самъ.
—Ты взялъ меня, сюда привезъ;
—Здѣсь въ первый разъ источникъ слезъ
—Мои страданья облегчилъ.....
—Но образъ тотъ со мной все былъ!...
—И вотъ далеко отъ того,
—Кто былъ для сердца моего
—Земля и небо, мой кумиръ
—И люди, и безгранный міръ,—
—Я увядала, и отецъ—
—Насталъ послѣдній мой конецъ!...
—Прощай! молю въ послѣдній разъ,
—Уже мой близокъ смертный часъ,

—Молю тебя простить меня...
—Передъ тобой виновна я!....

XII.

«Она умолкла. Я хотѣлъ
«Ей отвѣчать, но не успѣлъ:
«Ужь Ангелъ духъ ея пріялъ....
«И я не плакалъ, не рыдалъ!....
«Я не хочу передавать
«Вамъ муки.. ихъ не разсказать!.....
«Съ тѣхъ поръ одинъ ужъ я живу,
«Съ тѣхъ поръ во снѣ и на яву
«Грущу и плачу все о ней,
«О бѣдной дочери моей!
«Но говорятъ, что грѣхъ большой
«Себя томить такой тоской...
«Мнѣ это все открыла дочь.
«Я видѣлъ сонъ однажды въ ночь:
«Ко мнѣ пришла во цвѣтѣ лѣтъ
«Моя Наташа. Дивный свѣтъ
«Отъ ней блисталъ вездѣ кругомъ...
«Но только съ грустнымъ лишь лицемъ.
«На головѣ сіялъ вѣнецъ...
«Она сказала мнѣ:—отецъ!
«—Не плачь! молю: дай отдохнуть.
«—Мнѣ слезы жгутъ и давятъ грудь!...
«—Молись по днямъ и по ночамъ...
«—Мнѣ-жъ-хорошо покуда тамъ!.....»

«И я томиться пересталъ.
«Церковнымъ старостою сталъ
«Служить при храмѣ. День и ночь
«Молюсь за грѣшную я дочь,
«И для спасенія души
«Читаю книги я въ тиши,—
«Ученье Господа Христа;
«И тяжесть этаго креста
«Мнѣ много легче отъ того.
«Я жду исхода своего.
«Довольно. Вотъ вамъ жизнь моя,

«Вотъ отъ чего такъ мраченъ я!....»
Окончилъ свой разсказъ старикъ,
И съ грустью головой поникъ,
И слезы брызнули изъ глазъ.
Весь этотъ горестный разсказъ
Глубоко въ душу мнѣ запалъ,
И я, какъ помню, передалъ.

Чрезъ годъ я снова проѣзжалъ
Деревней той-же и узналъ,
Что этотъ старецъ кончилъ жизнь
Безъ жалобъ, слезъ и укоризнъ,
И рядомъ съ дочерью своей
Похороненъ въ тѣни вѣтвей!....

1861 г. г. Сингилей.

СВИДАНІЕ.

Мы въ саду съ ней сидѣли вечерней порой.
Она нѣжно на грудь мнѣ головкой припала....
Я твердилъ ей о счастіи жизни иной,
А она мнѣ въ отвѣтъ, то и дѣло, зѣвала.

Я твердилъ, какъ намъ будетъ нужда ни почемъ,
О заоблачной жизни, аркадской долинѣ,
А она толковала чертъ знаетъ о чемъ:
О какихъ-то все средствахъ, довольствѣ и чинѣ.

Истощивъ весь запасъ убѣжденья рѣчей,
Потерявши терпѣнье, я плюнулъ невольно,
И, довольный ушелъ, что разстался я съ ней,
И она была, кажется, этимъ довольна.

1861. Сингилей.

А. П. Р.

Добрый часъ! вы идете къ вѣнцу,
Хороша и свѣтла, какъ денница;

Все пришло по желанью къ концу...
И невѣсты нарядъ вамъ къ лицу
И вокругъ васъ веселыя лица!......

Тамъ предъ ликомъ Творца и крестомъ
Вы торжестенно клятву дадите,
Чтобъ идти неизмѣнно путемъ
Вмѣстѣ съ избраннымъ вами лицемъ
Въ морѣ жизни земной—и идите!....

Чтобъ ни встрѣтило васъ на пути:
Горе, трудъ-ли, нужда и печали—
Вы должны безъ роптанья идти,
Все стерпѣть, возлюбить и снести,
Помня клятву, которую дали!....

Я-жъ хочу, въ числѣ прочихъ другихъ,
Пожелать вамъ въ открывшейся жизни,
Чтобъ вашъ бытъ былъ и счастливъ и тихъ
Безъ нужды, безъ волненій земныхъ,
Безъ роптанья и злой укоризны,

Чтобь на почвѣ возвышенныхъ думъ
О страданьяхъ людей и блаженствѣ,
Не вдаваяся въ суетный шумъ,
Вашъ созрѣлъ бы неопытный умъ
И душа расцвѣла въ совершенствѣ!

Чтобъ не знали вы мукъ и скорбей,
Чтобъ, въ какой бы вы небыли долѣ,
Вы любили-бъ, жалѣли людей,
И несчастнымъ любовью своей
Облегчали страданья и боли...

Чтобъ, согрѣтая чувствами, грудь
Не теряла на мелочи силы....
И пройдетъ не безплодно вашъ путь!....
И отрадно вамъ будетъ взглянуть
На прожитую жизнь у могилы!...

1860. Іюнь.
Г. Симбирскъ.

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

